

попaдaнeц
пoпaдaнeц

Дмитрий Дашко

ЛУЧШИЙ
ИЗ ХУДШИХ

Дмитрий Николаевич Дашко
Лучший из худших
Серия «Лучший из худших», книга 1
Серия «Попаданец (АСТ)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69094729
Лучший из худших: Издательство АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154807-0*

Аннотация

В нашем мире Анатолий Ланской был мажором, сыном влиятельного и богатого человека. Чудовищное недоразумение привело его к попаданию в другой мир, которой так похож на наш, за небольшим исключением: тут по-прежнему существует Российская империя, а влиятельные аристократические фамилии владеют магией.

Вот только теперь на Ланском висит обвинение в убийстве, которое он не совершал, а в качестве наказания ждёт долгий тюремный срок. Единственный способ вновь оказаться на свободе – стать солдатом знаменитого батальона смертников и грудью защищать империю от страшных порождений таинственного «Объекта-13».

Содержание

Пролог	5
Часть I	13
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	52
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	77
Глава 10	85
Глава 11	93
Глава 12	103
Глава 13	115
Глава 14	125
Глава 15	136
Глава 16	145
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Дмитрий Дашко

Лучший из худших

© Дмитрий Дашко, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

По календарю уже была середина марта, однако весенней капелью даже не пахло. Снега навалило столько, что его едва успели убрать с центральных проспектов, во дворах до сих пор не могли разъехаться автомобили из-за опасно сузившейся проезжей части, а пешеходы вынужденно лавировали между сугробов.

Градусник утром показывал минус двадцать, к вечеру стало ещё холоднее. Руки и ноги Кречетова окоченели, однако он дал себе слово, что не передумает и обязательно выполнит то, что задумал.

Иначе... иначе убийца его дочери покинет страну, и Кречетов, ставший невыездным сразу после первой «командировки», уже не достанет проклятого мажора. Папочка прячет его так, что ни одна собака не найдёт. Даже отставной подполковник спецназа МВД...

Когда сына арестовали, Ланской-старший – олигарх местного разлива, пытался купить следака. Тот оказался принципиальным, денег не взял. Тогда Ланской через свои связи добился, чтобы следователя сменили на более стоворчивого. Правда, развалить дело не получилось, слишком большим оказался общественный резонанс, и оно, пусть со скрипом, но дошло-таки до суда.

Олигарх нанял шайку ловких адвокатов, те во время про-

цесса придирались к каждой букве обвинительного заключения, искали нарушения там, где их не было и быть не могло. В итоге мажора признали невиновным и отпустили на свободу.

В тот день Кречетов понял: хочешь добиться справедливости – сделай это сам.

Ещё с последней поездки в одну очень горячую во всех смыслах слова страну он привёз несколько пистолетов, включая китайский ТТ, и схоронил в тайнике. Просто так, на всякий случай, даже не подозревая, что этот случай представится так скоро...

Кто ж знал, что его единственная радость и отдушина в этой жизни – дочка Катя, в один далеко не прекрасный день вдруг начнёт встречаться с холёным и богатеньким буратино – Анатолием Ланским, сыном, как обычно говорят, «того самого»? И что этот роман закончится ссорой и убийством Кати, его Кати...

Соседи прибегут на крики и застанут мажора, рыдающего над телом мёртвой девушки. Руки его будут обгажены кровью, а на ноже, глубоко всаженном в сердце Кати, эксперты обнаружат отпечатки пальчиков Толи Ланского. Соседи же вспомнят, что слышали, как за пару часов до убийства пара скандалила, а крики разносились по всему подъезду.

Ланского-младшего задержали, дело попало в руки начальника убойного отдела полковника Бугрова. Они с Кречетовым хорошо знали друг друга ещё с учёбы в академии

МВД. Тогда Бугров пообещал, что убийца окажется за решёткой, но клятвы не сдержал...

Выследить уroda было не так уж и сложно. Скоро Кречетов собрал на того полное досье и изучил все его привычки. Сегодня эти знания пригодились.

Вот он, проклятый мажорчик – восемнадцатилетний сопляк, студент первого курса престижного университета. Подкатил на дорогом чёрном джипе к парковке возле спортшколы, куда четыре раза в неделю ходит, чтобы махать руками и ногами, изображая из себя рукопашника. Кречетов успел насмотреться на таких, ещё когда служил.

Двигатель затих, хлопнула водительская дверца. Папаша, видать, совсем расслабился, решив, что его родной кровиночке в городе больше ничего не угрожает: уже две недели парень катается без шкафа-телохранителя.

После того кошмара на суде Кречетов нарочно вёл себя тише воды ниже травы, чтобы никто не подумал, что он задумался о самосуде. Кажется, все в это поверили. Правда, не так давно Ланскому-старшему взбрело в голову отправить сына от греха подальше за границу, и Кречетову пришлось форсировать события.

Само собой, телохранитель его бы не остановил, однако недавний «краповый берет» не привык убивать невиновных. Зачем брать такой грех на душу? А вот насчёт Толи сомнений у Кречетова не возникало. Подонок заслужил пулю, когда взял в руку нож и воткнул острое лезвие в девочку – его

девочку. Да, Катю это не воскресит, но стрелка на весах справедливости этого мира хоть чуть-чуть качнётся в правильную сторону.

Дальше... Дальше Кречетова будут искать, однако его сослуживец, давно обязанный ему жизнью, подтвердит, что тот весь день находился вместе с ним в гараже – возился в стукнувшем движке старенькой «Нивы». Какое-никакое, а всё ж алиби.

Прежде чем пойти на страшное дело, «краповый берет» тщательно изучил схему расположения видеокамер в районе и добрался сюда так, чтобы не попасть в поле зрения ни одной из них. Сотовый он не просто вырубил, а ещё и заранее вытащил батарейку и сим-карту. Если полицейские поинтересуются (а они обязательно поинтересуются), почему его телефон всё это время находился вне сети, ответ будет простой, как лом в разрезе: разрядился, падлюка. А что, с вами такого не бывает? И, конечно же, сразу после «дела» Кречетов обязательно приедет в гараж и будет долго и старательно копаться в моторе: обставляться, так по полной.

Толя Ланской со спортивной сумкой в руках уже покинул тёплое нутро джипа и зашпешил по расчищенной дорожке к зданию спортивной школы, покрытому мозаикой пластиковых фальшпанелей, изуродовавших облик этого архитектурного сооружения. Кречетов помнил, каким оно было прежде – красивым, выстроенным в духе сталинского ампира, до которого только-только начала добираться хрущёвская борьба

с архитектурными излишествами. Сейчас же, благодаря облепившим дом со всех сторон пластиковым «заплаткам», он превратился в красочную, но всё-таки коробку, растеряв былой лоск и имперскую солидность.

«Пора», – решил для себя Кречетов. Взял пистолет и шагнул к приближавшемуся Ланскому.

Тот шёл, опустив голову, и не замечал никого и ничего вокруг. Лишь в последний момент словно что-то почувствовал, приподнял подбородок, чтобы уткнуться взглядом в наставленное на него дуло ТТ.

– За что? – успел спросить Ланской-младший, прежде чем Кречетов нажал на спусковой крючок.

Пистолет изрыгнул из себя небольшой столб пламени и кусочек свинца. Пуля угодила прямо в лоб парню – отец, потерявший дочь, стрелял наверняка. Тело, уже переставшее быть живым человеком, качнулось и упало.

Кречетов отшвырнул ставший теперь ненужным ТТ и, нагнувшись на голову капюшон спортивной куртки, быстро побежал прочь отсюда. Он прекрасно знал, что на стволе, магазине и тем более пулях (а так иногда прокалывались некоторые киллеры) нет его отпечатков. Камеры его не зафиксируют, случайные свидетели не опознают. В подворотне снял с себя куртку: пусть в таких ходят тысячи, от неё всё равно нужно избавиться.

Где-то через час он уже был в гараже. Сослуживец вопросительно посмотрел на него.

– Порядок, – только и нашёл, что сказать Кречетов, и больше не проронил ни слова.

Они долго возились с «Нивой», а ближе к вечеру он приехал домой и включил сотовый. На экране высветилась куча пропущенных звонков. Сразу несколько от Бугрова. Понятно, у полиции появились вопросы... Это естественно. Он – первый подозреваемый в убийстве.

Подполковник набрал номер.

– Привет. Ты мне звонил. Что-то стряслось?

– Стряслось, – голос Бугрова был какой-то расстроенный. – Мы нашли убийцу твоей Кати.

– Убийцу? – хмыкнул Кречетов.

– Да. Помнишь, я тебе говорил, что мы так и не смогли найти её смартфон?

– Ну, – буркнул в трубку Кречетов.

– Так вот, тут вчера один хмырь сдал телефон в скупку. Там работает мой человечек, он сообщил мне, мои парни взяли этого хмыря, стали крутить. А тот взял вдруг и раскололся: ты представляешь, это сосед Кати, он, кстати, и вызывал полицию. В общем, Ланской не врал: парень действительно поругался с твоей дочкой и выскочил на улицу, чтобы успокоиться и прийти в себя. А соседу банально не хватило бабок на наркоту, он уже давно торчал, только был очень аккуратным, гад, никто даже не подозревал. В общем, эта сволочь, когда ругань прекратилась, решил, что в квартире никого нет. Сунулся, а там Катя. Он с перепугу схватил кухон-

ный нож и всадил ей в грудь. Потом пришёл Ланской-младший, пытался помочь Кате, но было уже поздно. От неожиданности наоставлял везде свои пальчики и перепачкался в крови. Такая, в общем, история...

– А этот твой сосед – он, случаем, не врёт? – осторожно спросил Кречетов.

– А смысл?

Кречетов не видел собеседника, но прекрасно представлял, как тот на другом конце «провода» пожимает плечами.

– В общем, совесть его загрызла, вот он и дал признательные показания. И да, я очень надеюсь, что ты не при делах: Анатолия Ланского застрелили четыре часа назад. Ты никуда не уходи, пожалуйста. За тобой скоро приедут.

– Буду здесь, – пообещал Кречетов.

Его жизнь только что потеряла смысл. Он убил невиновного. Застрелил вот так, ни за что ни про что. Настоящий злодей тем временем сидит в камере и точно уже не отвертится.

Стало хреново, очень хреново. Даже когда он узнал о смерти дочери, ему не было так плохо. Душа выворачивалась наизнанку. Хотелось упасть на четвереньки и завывать.

Кречетов посмотрел на встроенный в стену сейф. Там хранился ещё один пистолет – на этот раз вполне официальный, наградной ПМ, полученный из рук самого министра.

– Прости, Толя!

Отставной спецназовец принял последнее решение: от-

крыл сейф, достал «макаров», взвёл его и, поднеся к виску, нажал на спусковой крючок.

Часть I

Глава 1

– Прости, Толя!

– Что?

Я будто вынырнул из какого-то ночного кошмара, в котором в меня стрелял отец моей Кати. Стрелял, чтобы убить, и почему-то мне показалось, что у него всё вышло. Я словно исчез, этот факт зафиксировался – даже не знаю, как это назвать – в разуме, душе.

Но вроде всё обошлось, раз слышу обращённую ко мне речь. Сбивало с толку лишь то, что человека, назвавшего меня по имени, я видел в первый раз.

Мужчина лет сорока, с умным интеллигентным лицом и бородкой, я прежде видел такие на дореволюционных фотграфиях. В барбершопах стригут иначе, под хипстеров и прочих неформалов. Он мне показался похожим на университетского преподавателя: солидный, представительный, в строгом костюме. Явно при деньгах. У меня глаз намётанный: то, что костюм сшит на заказ, определил сразу, а это удовольствие не из дешёвых. И ткань отнюдь не полусинтетическое фуфлю, что продаётся в магазинах готовой одежды. Хорошая, дорогая шерсть.

Смущало разве что место, где мы сидели: серое, скучное помещение, в котором глазу не за что зацепиться. Очень похоже на кабинет следака, куда меня таскали почти каждый день. Слава богу, тот кошмар остался далеко позади.

Может, Катин отец действительно в меня стрелял, но промахнулся? Это я могу гарантировать, поскольку ни одного лишнего отверстия в себе не ощущаю... Я типа свалился без сознания. (Уж простите, но не каждый день тебя приходят убивать, могу позволить себе роскошь несколько подзабыться.)

Если продолжить логическую цепочку, я пока не отошёл от состояния аффекта, поэтому не до конца вкуриваю, как и куда, собственно, попал. С большой вероятностью сижу сейчас где-нибудь в Следственном комитете. С минуты на минуту отец обо всём узнает, примчится сам и прихватит с собой адвоката. Есть у него парочка зубастых...

Вот Катиного отца жалко. Он и так дочку потерял, а теперь его гарантированно закроют. Может, потолковать со следователем? Я жив, пусть дадут по минималке, а то и вовсе условное. Мужик, конечно, не прав на все сто, однако зла я на него не держу. Не приведи господь оказаться на его месте. Просто жуть. У меня бы стопудово крыша поехала.

Конечно, вряд ли он успокоится. Катя рассказывала, он в прошлом боевой офицер, голыми руками убивал. За плечами куча горячих точек. Такое бесследно не проходит, многих потом, на гражданке, клинит.

Ничего страшного. Всё-таки он Катин отец. Даже если снова захочет свести со мной счёты, свалю за бугор, в конце концов, всё к этому и шло. И больше мы никогда не увидимся. Если повезёт, менты найдут настоящего убийцу. Но что-то я в такое слабо верю.

– Я понимаю, вам есть о чём задуматься, – вздохнул мужчина. – Быть может, поэтому вы не расслышали фразу, которую просил передать через меня ваш отец. Он сказал: «Прости, Толя!»

– Передали – спасибо, – буркнул я. – А что, отец не мог лично сказать или позвонить? Или так замотался со своей новой пассией, что ему совсем стало не до меня?

После развода с мамой мой родитель пустился во все тяжкие. Каждая новая избранница была всё моложе и моложе, такими темпами могло в скором будущем дойти и до школьниц. Во всяком случае, с моей однокурсницей он уже успел закрутить роман.

Взгляд мужчины стал напряжённым.

– Разумеется, ваш отец не мог этого сделать. Он же официально отказался от вас и объявил, что вы больше не член семьи.

Моя челюсть едва не упала на пол.

– Че-е-его?! – только и смог вымолвить я.

Папа, при всей его куче недостатков, во мне души не чаял. Он сразу поверил, что я не убивал Катю, и пустил в ход все свои связи и влияние, чтобы спасти меня от несправедливого

приговора. Выложил целое состояние, чтобы вытащить меня из тюрьмы. А теперь, видите ли, отказался от меня! Какого хрена и как это вообще может произойти? И что это вообще означает?

– Это было вынужденное решение, – вздохнул собеседник. – Вы сами понимаете: выбора у него не осталось. В противном случае он бы потерял место в Сенате.

Тут я охренел ещё больше. Да, отец – крутой бизнесмен и постоянно мутит то с мэром, то с губернатором, но чтобы его взяли в Совет Федерации к Матвиенко?! Да ну нах! Он скорее станет вторым Илоном Маском... Тут одних денег и папиных связей недостаточно.

– Уважаемый, – заговорил я, собравшись с мыслями, – а вы ничего не путаете? Что-то не припоминаю, чтобы мой отец и родитель заседал в Сенате...

Собеседник усмехнулся.

– Согласен, статус вашего отца позволял ему иногда манкировать обязанностями, но семья Ланских всегда была представлена в Сенате. Конечно, прошли те времена, когда ваш род мог позволить себе куда больше, после известных событий вы многое потеряли, но одну из последних привилегий – место в Сенате – ваша фамилия сохранила.

Я взорвался:

– Слушайте, какого хрена вы вешаете мне лапшу на уши? Какой чертов, Сенат, какой чертов отказ? Я хочу позвонить моему отцу, и точка!

– Очень жаль, Анатолий, но звонки вам запрещены.

Вдох, выдох... На тренировках сенсей учил нас успокаиваться и собираться с мыслями. Ещё он много лил в уши про духовные практики и медитации, но меня эта эзотерика никогда не интересовала. Всё, что мне было нужно, научиться бить морды обидчикам. Остальное – мистическая чушь. Жизнь приучила меня реалистично смотреть на вещи.

– Звонки, говорите, запрещены. И кто, интересно, мог запретить мне это делать? – спросил я, изобразив на лице презрительную усмешку.

– Вы, должно быть, невнимательно слушали надзирателя, – как-то отстранённо произнёс собеседник. – Он был обязан довести до вашего сведения все запреты. Пожалуй, имеет смысл сообщить об этом начальнику тюрьмы.

Я растерянно замигал глазами.

– Кому?

– Начальнику тюрьмы, господину Хвостовскому, – сказал он, но лучше от этого объяснения мне не стало.

Тюрьма... Какая тюрьма? Меня что, снова обвинили в Катинском убийстве? Или шьют другое дело? Но почему тюрьма? Пока идёт следствие, меня должны содержать в СИЗО. В прошлый раз отцу не сразу удалось добиться, чтобы меня выпустили под залог, так что я успел сполна насладиться блатной романтикой.

Хотя, если честно, хоть в чём-то мне тогда повезло. Все знали, кто я такой, и потому ни о какой «пресс-хате» речи

даже не шло. Для меня подобрали тихих «пассажиров»: двух бывших чиновников, проходивших по делам о взятках в особо крупном размере. Они оказались мужиками в возрасте, были в курсе, что у меня за папка, и отношения у нас сложились вполне нормальные. Я бы даже сказал, добрососедские. Никаких тебе «прописок», «вечер в хату – часик в радость», предьяв, чифиря и прочей лабуды.

Снова вдох и выдох, причём глубокие вдох и выдох, чтобы прийти в себя.

– Извините, запамятовал, как вас зовут...

– Станислав Сигизмундович, – с готовностью откликнулся собеседник.

Поляк, что ли? В принципе, почему нет, у нас в городе кого только нет: полный фарш, от китайцев до афро-африканцев. Только у меня на курсе четверо таких учились. Прикольные ребята, кстати.

– Станислав Сигизмундович, у меня что-то голова совершенно не соображает. Можете пояснить, что, собственно, приключилось и почему меня содержат в тюрьме? Мне казалось, что все обвинения с меня давно уже сняты... Или открыли какое-то новое дело?

Я постарался произнести эту фразу максимально корректно. Не хватало ещё, чтобы меня записали в психи и отправили в какую-нибудь Кащенко, или Кащиенко... блин, вечно путаю эти фамилии.

– Боюсь, кто-то неправильно вас информировал. – Взгляд

поляка стал суровым. – Ни о каком снятии обвинений речи даже не могло идти. Шутка ли, речь идёт об убийстве сразу пяти верноподданных его величества, да ещё и совершённых при помощи магии! – Его голос вдруг загремел, Станислав Сигизмундович стал похож на телевизионного диктора: – Сам государь император следил за этим процессом. Вам повезло, что он давно отменил смертную казнь для высшего дворянства, но, поверьте, двадцать пять лет тюрьмы строгого режима... Некоторые предпочитают смерть. Вам будет очень тяжело, Анатолий. Примите приговор его величества с мужеством.

Я понял, что ещё немного, и упаду со стула.

Глава 2

Похоже, я сошёл с ума. Какие-то пять трупов, какаято магия, император... Четвертак тюремного заключения...

Понял. Батю пробило устроить мне розыгрыш. Наверное, «Холопа» пересмотрел. С его баблом можно позволить себе такое развлечение. Ну-ну, я тоже в кинотеатры хожу, и не только, чтобы целоваться. Щаз вместе похохочем.

– Где микрофон и камера, Станислав Сигизмундович?

– Я ваш адвокат, Анатолий, – оскорбился поляк. – Никто не вправе записывать мои переговоры с клиентом. Это уголовно наказуемо.

– Наказуемо, да?

Я повёл головой, пытаюсь высмотреть, куда здесь могли прилепить аппаратуру. В стены, что ли, вмонтировали, ироды? Визуальных признаков нет: голые стены, покрытые краской, и шершавый, словно корова лизнула, потолок. Такое чувство, что белили по старинке, веником.

– Сообщить номер уложения? – спросил адвокат.

«Стряпчих», которых батя подключал, чтобы вытащить меня из тюрьмы, я успел узнать в лицо. Этот был какой-то новенький, что ли. Прежде не видел. Хотя... Какой из него адвокат – дешёвый актёришка из провинциального театра, отыгрывающий передо мной роль.

Я ещё раз осмотрелся. Гаджетов не видно. Только удив-

ляться нечему. Техника за последнее время так продвинулась, что в тебя шприцом килограмм всяких чипов могут закачать.

Подобравшись и сделав морду кирпичом, я прорычал:

– Батя, если ты меня сейчас слышишь или услышишь потом, знай: то, что ты творишь, ни хрена не смешно. Это я тебе точно говорю!

Станислав Сигизмундович покачал большой умной головой.

– Анатолий, если вам плохо, могу вызвать врача. Или договорюсь, чтобы вас поместили в тюремную больницу.

– Иди в ... со своими советами! – совершенно искренне посоветовал я.

Глаза адвоката недовольно сверкнули.

– И всё-таки вам точно нужен врач.

Меня просто распирало от злости. После всего, что со мной произошло, после смерти любимой девушки, ареста, СИЗО, покушения, этот грёбаный мудак намекает, что у меня с кукушкой не в порядке. А играет-то как бесподобно! Пожалуй, это уже не провинциальный театр, тут МХАТом пахнет.

Никогда не замечал за собой столько агрессии. Катя – царствие небесное! – любила подшутить надо мной, говорила, что я плюшевый и мягкий. Но сейчас внутри сконцентрировалось столько ярости, что я уже не мог её удержать. Пальцы сами собой сложились в кулак, и я закатил такой пря-

мой в челюсть адвоката, что он опрокинулся вместе со стулом, сверкнув напоследок передо мной подошвами лакированных туфель.

Шума и грохота было преизрядно.

Почти сразу с лязгом распахнулась железная дверь, находившаяся за спиной поляка, в комнату влетели двое дюжих мужичков в угрёбищной серой форме с погончиками, а главное, с резиновыми «демократизаторами» в руках.

Вот сука! Я понял, что огребу сейчас по полной программе. Эти хмыри не парились ни секунды, даже не задумывались, что мой папа при желании сделает так, чтобы они жрали собственное дерьмо, просто накинудись на меня. В их пустых глазах читалось неприкрытое желание отхреначить меня дубинками. Да они от этого явно получали удовольствие.

Врёшь, не возмёмшь. Менты это или ряженые, но обращаться со мной по беспределу нельзя.

Я подорвался с места, вытащил из-под жопы стул и выставил перед собой как щит. Первые удары дубинками пришили по нему.

Ну, козлы, сейчас покажем вам триста спартанцев.

За спиной у меня оставалось пару метров пустого пространства. Я сделал шаг назад и крутанулся, со всей дури зазвездюлив стулом в башку первого мордоворота. Это тебе, сука, на долгую память. Тот аж к дверям отлетел вместе со своей резиновой палкой. Надо бы тебе её в жопу вставить да провернуть до характерного треска.

А вот второй оказался изворотливей, пригнулся и, пока я вращался юлой, саданул мне «демократизатором» по почкам. Тут, как и с яйцами, никакой пресс не спасёт.

Я как-то разом потерял интерес к жизни и заорал благим матом. Второй удар сработал как тумблер выключателя, отправляя меня спатеньки. Последнее, что я вспомнил перед тем, как вырубиться, обещание вывернуть наизнанку матку этого урода.

Надеюсь, они не сотворят чего-то подобного с моим бесчувственным телом.

Пробуждение было из цикла «началось в колхозе утро». Почему-то вспомнилось лермонтовское (не зря «Бородино», выходит, в школе зубрил) «тогда считать мы стали раны, товарищей считать...»

Посчитать было что. Начнём с дискомфорта в местах, которые в шутку называют мягкими. Дикой боли, чтобы прямо лезть на потолок, я не ощущал, но это ничего не значило, могли наколоть всякими препаратами. На текущий момент, по субъективным оценкам, не ужас-ужас, просто терпимо.

Попинали меня, конечно, славно. Поработали от души, что уж там, оттянулись как следует. Я мог себе даже представить, как это происходило, с каким наслаждением эти хмыри в сером лупасили по мне, тем более что не могли получить сдачи.

С другой стороны, сам напросился. И это уже объективная реальность. Что такое на меня накатило, откуда взялся

этот приступ безумства, что за наваждение охватило меня?.. Я, конечно, не Рики, не Мартин, то есть не белый и не пушистый, но вроде и на безбашенного психа не похож. Чтобы раздраконить меня до такой степени, надо очень постараться и делать это долго, методично и со вкусом. А в кабинете с адвокатом я вспыхнул как спичка, ярко и быстро, и точно так же сгорел за считанные секунды.

Дело ясное, что дело тёмное. Осталось понять, где я нахожусь. Для этого пришлось приподняться на локтях: встать сразу на ноги показалось мне не самой удачной идеей.

Шконка, на которой я лежал, не походила на тюремную, а вот решётка на окне, расположенном почти у самого потолка, наводила на нехорошие впечатления. Скорее всего, тюремная больница. Зашибись, короче!

Нет, отец обязательно что-то придумает, выцарапает меня отсюда, долго этот кошмар продолжаться не может. Я вообще привык на него полагаться, всегда считал, что он способен решить любую проблему, и дело даже не в его деньгах. Просто с самого начала он был пробивным, шёл на таран и сносил все преграды. Мне очень хотелось походить на него, но я отдавал себе отчёт: в моём случае и труба пониже, и дым пожиже. Может быть, когданибудь... Но пока я оставался его блеклой тенью.

Ладно, всё будет пучком.

Но тут меня ждал новый сюрприз.

В далёком детстве я сильно порезал левую ладонь: строгал

какую-то дощечку, не рассчитал и полоснул по руке ножом. Ничего страшного, так, в итоге заимел шрам. Мне советовали свести его при помощи лазера, но я каждый раз отмахивался: дескать, зачем, шрамы украшают воина.

Сейчас, разглядывая ладонь, я вдруг понял, что это... не моя рука. Шрам куда-то делся... Сам по себе рассосаться он точно не мог. Да и пальцы, они у меня не были такими чересчур вытянутыми, как у профессионального музыканта.

Бред? Слишком детальный и логичный для бреда.

Нет, была у моего приятеля история, как он писал курсовик по пьяни. Вернулся с вечеринки бухой в дрова, внезапно почувствовал вдохновение, засел за работу, накатал с дюжину листов, причём, как говорил, всё казалось изумительно стройным и понятным. Закончив трудиться, завалился спать. Когда проснулся и перечитал, что наваял, просто охренел: предложения могли оборваться посередине, потом пропуск в пол-листа, какие-то загадочные расчёты, чертежи...

Но это явно не мой случай. Тогда что ж получается? Я попал?

По всему выходит, что так, причём состоялся перенос не физический, а ментальный. Моё сознание, очевидно, подгрузилось в чужое тело. Выглядит лютой жестью, но пока это самое логичное объяснение происходящему.

Если вспомнить то, что говорил Станислав Сигизмундович (долго ему ещё сухарики хрумкать не придётся со сло-

манной-то челюстью), получается, что это не мой мир, а некая параллельная реальность. Дополнительно поляк упоминал о существовании императора и дворянства. В принципе, у нас в половине Европы монархия, и ничего, живут как-то люди и не парятся.

А вот фразочка, что я будто бы убил сразу пятерых, причём с помощью магии, – это уже за гранью добра и зла. Допустим, настоящий хозяин тела, в котором я нахожусь, действительно перебил столько народа (зачем – другой вопрос), но вот упоминание магии... Я что, Гарри Поттер здешнего разлива? Где тогда моя волшебная палочка?!

Шок, бляха муха, это по-нашему, по-большевистски...

Ход размышлений прервал визит ещё одного совершенно незнакомого мне человека. Он тенью проскользнул в комнату и встал напротив меня. Готов поклясться всем, что у меня осталось: прежде мы никогда не встречались. Однако я ощутил в себе внезапно нахлынувшее чувство любви и нежности по отношению к этому мужчине.

Он был немолод, выглядел чрезвычайно усталым, я бы даже сказал, измождённым. Тёмные круги залегли у него под глазами, подбородок заострился, скулы были обтянуты кожей. Высокий, худощавый, пропорционально сложенный, с широкими плечами и узкой талией. Плотный серый костюм-тройка сидел на нём как влитой. Он слегка прихрамывал и опирался на элегантную тросточку, совсем как лондонский денди.

Ещё мне показалось, что его окутывало что-то вроде прозрачного кокона, который иногда светился и переливался красками. И это было как-то странно. Неужели я вижу человеческую ауру? Если это так, то почему не могу рассмотреть свою? Всё чудесатей и чудесатей.

Покуда я предавался этим мыслям, незванный гость глядел на меня с нежностью и печалью, не проронив при этом ни слова.

Я присел на шконке, подобрал ноги. Что-то внутри перевернулось, в душе засадило. Растерянность овладела мной.

– Отец, – машинально вырвалось из моих уст. – Зачем? Тебе нельзя сюда приходить!

Глава 3

Сказав это, я замер. Отец... Мой отец совсем не такой. Нет, что-то общее в чертах лица у них есть, только мой родитель был типичным новым русским из девяностых, полубандитом-полубизнесменом. У него до сих пор в шкафу висит малиновый турецкий пиджак, в котором папа ездил на разборки. Коротко стригся, ходил в тренажёрку, качался, таскал на шее массивную золотую цепь. Она в доме не сохранилась, осталась только на старых фотках. Надо сказать, выглядел тогда папа угрожающе.

Потом, в двухтысячных, набрался манер, пообтесался, но я-то знал, на что он способен. Закатает врага в асфальт и не поморщится. Как говорится, old school. Таких больше не делают.

А человек, который вошёл в палату тюремной больницы, держался иначе, в нём сразу чувствовалась порода, нечто, что автоматически выделяло среди других. Это сложно описать, тут надо видеть и чувствовать.

Но почему я назвал его отцом, причём это произошло совершенно произвольно? В голове промелькнула догадка: кажется, это сработала память того, в чьём теле я оказался. Стоило мне слегка потерять контроль над собой, как он включился. Да уж, такими темпами и до шизы, то есть шизофрении недалеко. Скоро буду сам с собой разговаривать.

С другой стороны, из всего необходимо извлекать пользу. Вряд ли удастся встроиться в этот мир без знаний о нём, а память реципиента (слово-то какое!) может стать в этом хорошим подспорьем. Вот только надо научиться ей управлять. Честное слово, не хочу делить башку с другим сознанием.

Пока я размышлял о том, что произошло, отец положил руку мне на голову.

– Здравствуй, сынок! Я не мог не прийти. Я до сих пор чувствую вину перед тобой. Ты проявил истинное благородство, когда взял вину старшего брата на себя.

Та-дам! Оказывается, я буду мотать четверть века не за себя, а за чужого человека... Девки заплясали ещё интересней! Даже не по четыре, а по восемь в один ряд. Не, ну ни хрена себе аттракцион неслыханной щедрости за мой счёт! Понятно, что паренёк, в теле которого я оказался, выгораживал своего брата, но если взглянуть на вещи трезво, мне до его родни как до лампочки. То есть абсолютно фиолетово. Для меня они никто и звать их никак.

Вот только что мне прикажете делать? Сказать, что вы ошибаетесь и, вообще, я не тот, за кого вы меня принимаете? Так ни одна вменяемая собака не поверит. Да я и сам бы не поверил.

От такого открытия меня кинуло в жар.

– Ты правильно поступил, – продолжил гнуть линию отец «родной». – Только у Валерия есть шансы удержать наш род на плаву. После моей смерти он станет достойным наследни-

ком и продолжателем фамилии Ланских.

Ага, выходит, мы с реципиентом двойные тёзки. Только вот в два раза от этого слаще не стало.

– Мне пришлось публично заявить, что я отрекаюсь от тебя и что ты больше не мой сын, – голос собеседника дрогнул. – Это был худший день в моей жизни. Я чуть не сошёл с ума.

Нет, это я чуть не сошёл с ума, когда сообразил, в какую «Санта-Барбару» угодил не по своей воле.

– Но хуже всего пришлось матери. Она высохла от горя.

Мама... мамочка... Тут я взял себя в руки. Женщину, про которую говорит мой собеседник, я не знаю. Мама осталась в другом мире, даже боюсь представить, как она сейчас.

У неё доброе улыбающееся лицо, смеющиеся глаза. Когда мне было плохо, я приходил к ней, мы просто разговаривали, и мне становилось намного лучше. Она всегда поддерживала меня, переживала мои огорчения сильнее, чем я, и больше меня радовалась моим успехам...

Я скинул с себя это наваждение – образ женщины с далеко не увядшей красотой...

– Отец, – я сглотнул тугой комок слюны, – пожалуйста, расскажи, как всё произошло на самом деле.

Он удивлённо посмотрел на меня.

– Анатолий?

– Папа... Я могу тебя называть моим отцом?

– Публично – нет, но здесь мы одни.

– Папа, не задавай мне, пожалуйста, вопросов... Просто отвечай на мои. В последнее время я стал сам не свой, в голове всё перепуталось, а я должен разложить всё по полочкам... Почему мой брат убил этих несчастных?

– Несчастных? – в голосе отца проснулась ненависть. – Это были наёмные убийцы, подсланные Голицыными. Разумеется, с подачи Остерманов. Эти фамилии давно ненавидят нас и делают всё, чтобы окончательно втоптать в землю. Валерий, твой брат – последняя надежда нашей семьи. Он делает большие успехи в бизнесе и политике, простолюдины любят его...

Другими словами, мой братик – популист. Знакомо до омерзения.

– И тогда наши враги решили убить его, – продолжал отец. – Валерия заманили в ловушку, якобы прочитать лекцию в закрытом клубе. Он часто так делает, его речи пользуются спросом у публики. Когда он приехал, на него напали. Напали не просто так, а с целью убить. Защищаясь, он применил магию. К сожалению, киллеры погибли все до одного. Свидетелей произошедшего не осталось; доказать, что это была самооборона, он бы не смог. Тем более убийцы оказались как на подбор сплошь отставные унтера, половина с боевыми наградами. Следствие с самого начала было бы пристрастным, учитывая, как много у нас врагов в высших эшелонах власти. Валерий сначала хотел сдаться на милость судьбы, но ты принял решение взять вину на себя и заявил,

что приехал тогда вместо брата.

Собеседник немного помолчал.

– Приговор оказался очень суров. Я попробовал попасть на аудиенцию к его величеству. Хотел упасть к его ногам и молить, чтобы тебя помиловали, ведь это в его власти. Но во дворе мне сказали, что император слишком занят и что нет смысла искать случай, чтобы с ним встретиться.

С одной стороны, это меняло дело. Я был рад, что мой брат – не Джек-потрошитель, убивающий невинных направо и налево. С другой – мне предстояло сидеть и сидеть, так что повода для оптимизма не имелось.

Саднило же меня сейчас другое.

– Почему ты отказался от меня, папа?

Действительно, после всего этого в семье на меня молиться должны, а тут прямо как в тридцатые годы: дети отрекаются от отцов, отцы – от детей.

– Мне намекнули в Сенате, что в противном случае следователь не станет закрывать глаза на некоторые несостыковки, и тогда на скамье подсудимых окажетесь вы оба: Валерий за убийство, а ты – за дачу ложных показаний. Мать бы не пережила такого удара, а фамилия Ланских была бы окончательно смешана с грязью. Если хочешь, я буду просить у тебя прощения, сын мой.

Он задумчиво наморщил лоб и посмотрел так, словно на мне было что-то написано.

– Словами делу не поможешь, – изрёк банальность я.

Вот только сейчас эта фраза отнюдь не казалась мне избитой. Слова действительно были тут бесполезны.

– Если у меня какие-то шансы на УДО... то есть на досрочное освобождение? – поправился я. – Допустим, я стану примерно себя вести, и всё такое...

– Примерное поведение не уменьшит твоего срока, – отрицательно помотал головой Ланской.

– То есть мне придётся гнить в тюрьме четверть века, – приуныл я.

Перспектива так себе. Если сейчас мне... ну, лет восемнадцать, на свободу с чистой совестью выйду в сорок три года. Не сказать, что преклонный возраст, однако лучшее время жизни провести в тюрьме... Бр-р-р!

Долбануть башкой об стенку, чтобы раз и навсегда? А вдруг перекинет в другой мир, а там будет ещё большая жопка? Что-то стрёмно рисковать, да и не в моей натуре поднимать лапки кверху и самоубиваться.

– Правда, есть один способ скостить срок, – произнёс собеседник.

Если бы я был кроликом, приподнял бы сейчас уши и насторожился. Отсидеть меньше, чем тебе впаляли, это, несомненно, позитивная хрень, однако, судя по выражению лица Ланского-старшего, сейчас он скажет «но», и за этим последует нечто такое, чего делать точно не захочется.

– Ты можешь подать прошение о том, чтобы пойти служить в батальон смертников, – выдал внезапно отец.

– Батальон кого? – захолопал глазами я.

Ланской-старший пояснил, как для несмышлёныша:

– На самом деле это отдельный его императорского величества батальон особого назначения, но все прекрасно знают, что немногие доживают до конца пятилетнего контракта. Поэтому часть в народе так и зовут – батальон смертников. Служить туда не рвутся, поэтому государь разрешил принимать преступников. Тем счастливицам, – отец горько усмехнулся, – которым повезёт выслужить все пять лет и при этом остаться в живых, даруется помилование. Особо отличившиеся могут получить личное дворянство.

Мне не понравилось то, что я услышал. В моей прежней жизни отец обещал сделать всё, чтобы я откосил от армии. Он считал, что даже год в ней – напрасно потраченное время. Зная, что сам он оттрубил ещё в советской армии от звонка до звонка, я ему верил.

Нет, повертеть в руках пистолет или автомат, пострелять из него в тире – всегда пожалуйста. А вот наматывать на ноги вонючие портянки, или что таскают на ногах солдаты сейчас, драить зубной щёткой унитаза, ходить строем и задирать на плацу ногу выше головы не больно-то хочется. Так что мысли мои с отцовскими сходились целиком и полностью.

Вот только там была другая жизнь и иные обстоятельства.

Если положить на чаши весов четвертак тюремного заключения и пять лет молодости в сапогах, однозначно перевесит последнее, сравнивать числа меня ещё до школы на-

учили, как и читать и писать. А смертники они или бессмертные... Я привык к тому, что многое в действительности не такое и страшное, как его малюют.

Авось выиграю в этой лотерее, вытащив счастливый билет. Пан или пропал, короче!

– Папа, я решил, – вздёрнул я подбородок.

– Что именно?

– Подам прошение, чтобы меня взяли в этот самый батальон. Всё равно мне особо терять нечего.

Глава 4

Вертолёт приземлился. Где-то наверху по инерции продолжали крутиться его лопасти, разгоняя пыль и комки высушенной грязи.

– Рекруты, на выход.

Внутри длинного и узкого, как кишка, отсека сидели рекруты, то есть ещё не поступившие официально на службу солдаты, в число которых входил и я.

Не ожидал, что всё так быстро завертится. Не успел подать прошение, как через два дня меня уже дёрнули на медкомиссию. Там я впервые увидел в зеркале своё новое отражение и, по правде говоря, не остался доволен увиденным. Аристократия, мать его за ногу! Такое чувство, что меня специально недокармливали: сквозь тонкую кожу просвечивали рёбра, а сама грудь была как у молодого петуха коленка.

Моя прежняя телесная оболочка тоже была далека от идеала, на Шварца я не походил, но регулярные тренировки и полноценное здоровое питание помогали поддерживать себя в хорошей форме. А тут просто дистрофик... Знаю, что некоторым девушкам нравятся такие бледные дрищи, смахивающие на персонажей аниме, у которых всё, что есть, кроме костей и кожи, это острые подбородки и большущие глаза, но лично у меня были другие стандарты мужской красоты.

Когда мне измеряли рост и вес, ожидал услышать ка-

кие-нибудь аршины, вершки-корешки и прочие фунты, но нет, тут вовсе использовалась привычная метрическая система, так что я узнал, что во мне сто семьдесят семь сантиметров длины и шестьдесят один килограмм бесполезной массы. Параметры, скажем, так себе. Ветром сдует. Удивительно, как я раскидывал этих двух здоровенных лбов в сером? Не иначе творил чудеса в состоянии аффекта.

В целом медкомиссия признала меня пригодным: слух и зрение в норме, плоскостопия и энуреза не обнаружили (слава тебе господи!), сердечко исправное, руки-ноги двигаются, голова на месте. Короче, готов к труду и обороне.

В тот же день отвезли в закрытом фургоне (даже зарешечённых окошек не было) на аэродром, где тоскливо паслись ещё человек десять гавриков вроде меня. Посадили в вертолёт, и часа через три полёта – вуаля, мы приземлились. Где? А хрен его знает, никто не спешил поделиться со мной информацией, а соседи владели инфой не больше моего. Да и не особо-то получилось поговорить: отсек оказался шумным, себя не услышишь, не то что собеседника.

Сели мы отнюдь не на аэродроме, а практически в чистом поле. Разве что в отдалении виднелись бетонный забор и какие-то вышки. Не то зона, не то воинская часть. А может, и то и другое сразу.

Нас уже встречали: впереди стоял верзила с грубым обветренным лицом, позади – двое крепких парней. На всех были камуфлированные куртки (такой расцветки я ещё не видел)

с кучей карманов, совсем как на «афганках» советского образца, перетянутые кожаным ремнём со сверкающей бляхой с изображением двуглавого орла, камуфлированные брюки и высокие берцы. На головах – лихо заломленные береты чёрного цвета с кокардой и какой-то эмблемой на боку, которую я не успел разглядеть. У каждого на погоне красовалась одна лычка, только у верзилы широкая, а у его спутников – узкая.

– В одну шеренгу по росту – ста-а-ановись! – Голос здоровяка мог вызывать землетрясение.

Дюжина рекрутов худо-бедно выполнили приказание. Я оказался примерно посредине.

Верзила прошёлся вдоль строя, придирчиво осматривая каждого из нас.

– Опять прислали каких-то ушлепков, – резюмировал он, закончив осмотр. Потом резко развернулся в нашу сторону. – Равняйся! Смирно! Слушайте и запоминайте, задохлики! Я – фельдфебель Белов. Обращаться ко мне нужно – господин фельдфебель. Зарубите себе это на носу.

Произнеся это, он на секунду замолчал, словно проверял, поняли ли мы его слова.

– Я не знаю и знать не хочу, что натворил в прошлой жизни каждый из вас, но догадываюсь, что вы – говнюки и уроды, точно такие же, каким был я, – продолжил фельдфебель. – И потому с вами, говнюками, я буду обращаться ровно так, как вы заслужили. Вы подали прошение в батальон осназа, его удовлетворили, но это не означает, что вас ав-

томатически зачислили в нашу часть. До получения солдатских погон вы остаётесь рекрутами: недосолдатами, бывшими гражданскими. И только когда вас выдрючат как надо, вы получите заветные погоны на плечи. Остальные вернутся в ту помойку, откуда вас выгребли. Вопросы есть? – спросил он и сам же ответил: – Вопросов нет. Напра-аво, вперёд шагом марш!

Мы потопали унылой цепочкой в направлении бетонной стены. Прошли КПП, где на нас с интересом смотрели brave и подтянутые ребята в униформе с красной повязкой на рукаве. Фельдфебель и два его спутника, как выяснилось, ефрейтора, подвели нас к одноэтажному строению из серого кирпича. Из трубы курился дымок, навевавший мрачные мысли, хотя вряд ли это был крематорий. Скорее баня.

Я не ошибся. Нас загнали в холодное помещение, заставили раздеться догола, выдали каждому жестяную шайку, мочалку и кусок вонючего мыла, а потом приказали мыться под почти ледяной водой. Похоже, тёплая тут отсутствовала в принципе.

Само собой, долго в помывочной никто не задерживался, через пару минут рекруты пулей вылетали из неё в предбанник, где на лавках ровными стопками было разложено нижнее бельё: зелёные хлопчатобумажные трусы и такая же майка. Похоже, тут заранее знали размеры каждого из нас, или мне повезло настолько, что майка не тянулась до щиколоток, а трусы не приходилось подтягивать руками.

Трясушимися руками я вытер себя длинным вафельным полотенцем с чёрной чернильной печатью на краю и облачился в казённые шмотки. И тут же последовала очередная команда на построение.

Синие, как утопленники, рекруты выстроились в одну шеренгу. Оглядев нас, фельдфебель хохотнул.

– А сейчас вы узнаете, что это такое – забрить в армию.

В предбаннике появился парикмахер, единственным инструментом которого была машинка с нулевой насадкой, так что скоро головы у нас блестели и переливались на свету, словно дискошары. Меня охватило грустное чувство: стриженные наголо мы походили друг на друга как близнецы – тощие, лысые, с растерянными лицами.

А вот фельдфебелю наше преобразование понравилось.

– Ну наконец-то вы, долбодятлы, стали хоть чуть-чуть походить на людей. Сейчас пройдем на склад, там получите форму и амуницию.

Выходить на улицу не понадобилось. Баня и вещевой склад оказались соединены подземным переходом. Мы прошли по гулкому и сырому тоннелю, прежде чем оказаться в пропахшем нафталином тёплом и сухом помещении, где лопоухий кладовщик, зевая, стал выдавать по списку обмундирование.

Мне достались оливкового цвета кепи, грубоватые штаны и плотная, пропитанная чем-то резиновой куртка, застёгивающаяся на молнию, ремешок без пряжки, три комплекта

носков и чёрные ботинки, одного взгляда на которые хватило бы, чтобы определить их как говнодавы. Ни погон, ни кокард, ни эмблем... Нас словно нарочно пытались обезличить по сравнению с другими солдатами батальона. Одним словом, рекруты.

Это было так уныло и мрачно, что в сердце вселилась тоска. «Пять лет, – произнёс я себе. – Грёбанные пять лет, а потом – на свободу». Какой она будет, эта свобода, что меня ждёт – даже загадывать страшно. Ланской-старший сказал, что не сможет мне помогать. Если, не приведи бог, всплывут факты, что его отречение от меня было фальшивым, семья пострадает. Так что мне придётся в будущем опираться исключительно на собственные силы.

Я оделся и обулся, зашнуровав берцы. Форма оказалась немного свободной. Парни, служившие в армии, рассказывали, что сначала резко худели, а на дембель возвращались просто раскабаневшими. Видимо, по этой причине куртка была где-то на размер больше, а штаны могли бы спадать, не будь в них зелёного тканевого ремешка.

Пока фельдфебелю и ефрейторам было не до меня, отыскал глазами зеркало. Пойдём, что ли, посмотрим, как выглядит рекрут батальона смертников.

Видок, конечно, был тот ещё: испуганные глаза, голова на тоненькой лебединой шейке (интересно, тут придётся подшивать подворотнички или обойдётся?), всё какое-то мешковатое и несуразное. Даже напяленное на лоб кепи не спас-

ло. Чухан какой-то, а не боец. Увидев меня, противник если и помрёт, так только от смеха.

Утешало, что и другие были не лучше. Зато как браво смотрелась форма на нашем фельдфебеле. Такое чувство, что он в ней и родился. Может, через какое-то время и я буду являть собой не столь душераздирающее зрелище? Эх, свежо предание...

Очередное построение (похоже, несть им числа), маршбросок, причём бегом через плац до казармы (неожиданная новость: рекрут не имеет права передвигаться по территории части иначе чем рысью), очередной кишкообразный отсек с надраенной до блеска «взлёткой», по сторонам от которой находятся металлические кровати с жёсткой панцирной сеткой. Кровати в один ярус, и то дело.

– На первый-второй рассчитайсь! – рявкнул Белов.

Дождавшись, когда мы выполним команду, велел:

– Первые номера по очереди занимают правый ряд коек, второй – левый. Марш!

Я замер возле доставшейся мне койки. Она ничем не отличалась от других: такая же металлическая и скрипучая, выкрашенная в защитный цвет. Постельных принадлежностей на ней не было, рядом стояли покрытый коричневой морилкой табурет с инвентарным номером и небольшая деревянная тумбочка с единственным выдвижным ящиком и двумя дверцами ниже его.

– Запоминайте свои места. Обмениваться без разрешения

старшего по званию запрещено, – довёл до нашего сведения Белов (само собой снова выстроив нас в шеренгу). – Бельё, подушку, одеяло получите перед отбоем у каптёра. Он же выдаст вам мыльно-рыльные принадлежности и полотенца. Запомните: руки вытирать тем, что поменьше, жопу и прочие части тела – тем, что побольше. Хотя... если перепутаете, мне насрать! Бриться, сукины дети, каждый день до характерного синего блеска. Увижу небритую морду – сгною на гауптвахте. Ботинки надраить так, чтобы лицо в них отражалось. За грязную обувь в расположении пробиваю грудную фанеру кулаком. Сейчас покажу, как именно. Ты, рыжий, два шага вперёд. – Он посмотрел на парня, лицо которого действительно было покрыто россыпью светло-коричневых конопущек.

Рыжик покорно вышел из строя, замер перед Беловым.

– Руки по швам, смирн-а!

Кулак фельдфебеля вылетел, подобно пушечному ядру, и угодил в грудь конопатого. Парень охнул и невольно согнулся.

– Стоять, сука! – загремел Белов. – Команду смирно никто не отменял.

Рыжик едва сумел распрямиться. Его шатало.

– Встать в строй! – велел фельдфебель. – Запоминайте, гандоны: если я наказал вас за проступок таким образом, считайте, что вам ещё повезло. Даже если просто отмудохаю вас так, что вы ссать кровью будете, тоже думайте, что легко

отделались. Гораздо хуже, если вас отправят на «губу». Там очень любят трахать таких засранцев. Мой вам совет: учите уставы, беспрекословно выполняйте приказы старших по званию, и тогда, может быть, – он зловеще ухмыльнулся, – кто-то из вас получит солдатские погоны.

Он поднёс к глазам руку с часами, посмотрел на циферблат.

– Так, мне пора, увидимся перед отбоем. А пока передаю вас в надёжные руки ефрейтора Санникова. Санников!

– Я, – откликнулся один из встречавших нас мордovorотов. Он, конечно, тоже был здоровый, но на фоне башнеподобного фельдфебеля терялся, как продуктовый ларёк перед небоскрёбом.

– Вымуштруй и высуши рекрутов как следует.

– Есть, господин фельдфебель! – вытянулся стрункой тот.

Глава 5

Стоило только фельдфебелю уйти, как ефрейтор заговорил на удивление ровно и спокойно:

– Значит так, рекруты. Вы уже поняли, что попали во всех смыслах этого слова. Для многих из вас тюрьма – дом родной. Так вот, армия – это не тюрьма. Это гораздо хуже. Здесь нет прокуроров, которым можно строчить жалобы на плохое обращение. И здесь нет адвокатов, которые будут качать ваши права. Сейчас все смотрят на вас, как на кучку дерьма. И так будет до тех пор, пока вы кровью и потом не заработаете солдатские погоны. Нет, дрючить после этого не перестанут, ведь это армия. Комбат трахают ротных, ротные долбят взводных, взводные – нас, а мы – вас. Так было и будет испокон веков. Но погоны дадут вам чувство причастности к армии, вы узнаете, что такое солдатское братство, и поймёте, что батальон своих не бросает. Только здесь вы станете настоящими мужиками, а бабы станут ложиться штабелями к вашим ногам. А ещё тут никому нет дела до вашего прошлого. Служба в батальоне – это как жизнь с чистого листа, и только от вас зависит, что там будет написано.

Произнеся эту тираду, он немного понаблюдал за реакцией на наших лицах и добавил:

– А теперь пойдём за мной в комнату для теоретических занятий. Пришла пора вбивать в ваши тупые бошки первые

знания.

Однако сразу попасть на первое занятие мне не удалось: почти сразу у деревянных дверей класса, в которых на уровне среднего роста было просверлено отверстие, нас перехватил дежурный по роте.

– Кто тут Ланской? – спросил он.

Я отозвался.

– Санников, я заберу этого рекрута? Взводный приказал к нему привести.

Ефрейтор кивнул.

– Пошли за мной, Ланской, – велел дежурный. – Когда войдёшь, не забудь представиться и помни, что к господину подпоручику нужно обращаться «ваше благородие».

– Есть, – коротко ответил я.

Подпоручик оказался полным мужчиной лет двадцати пяти. Он сидел за письменным столом, перед ним лежала зашнурованная папка. Я успел заметить, что на её обложке была моя цветная фотография.

– Ваше благородие, рекрут Ланской прибыл по вашему приказанию, – доложил я.

– Вольно, рекрут, – приказал он. – Итак, правильно ли я понимаю, что ты один из представителей рода Ланских?

– Никак нет, – отрапортовал я.

– Странно, – подпоручик поморщился, – а в бумагах на тебя написано совершенно другое.

– Разрешите пояснить?

– Разрешаю.

– Я действительно происхожу из рода Ланских, но моя семья отеклась от меня.

– Не позавидуешь тебе, рекрут. Это больно, когда предадут свои, – покачал головой офицер. – Здесь такого не будет. У нас всё по заветам Суворова: сам погибай, а товарища выручай. Но позвал я тебя не ради этого. Твоя история была во всех газетах: ты убил пятерых человек, между прочим, героев войны, отставных военных...

Сердце ёкнуло. Твою ж мать, а ведь об этом я не подумал... Это ж из огня да в полымя. Что, если теперь на мне отыграются по полной?

– На твоё счастье, они были не из нашего батальона, а мы всегда держимся особняком. Мы – армия в армии, Ланской. Не гвардия, которая только и может, что взбивать пыль на плацу, не части, сидящие в тыловых гарнизонах. Мы там, где жопа, Ланской. И я должен понимать, не выкинешь ли ты какой-нибудь фортель. Ты первый из аристократов к нам попал. Пусть даже бывший, ошельмованный и лишённый маггии...

Ошельмованный? В памяти всплыло, как это произошло. Треск сломанного клинка над обнажённой головой, сухие слова унижительного приговора, отчаяние, тоска, ощущение, как ушла сила...

«С этого дня ты – мещанин Ланской!»

Картинка была столь яркой, что я едва не застонал от ду-

шевной боли.

– ...но всё-таки представитель древнего рода, – продолжал, не обращая внимания на мои муки, офицер. – Поэтому сразу хочу тебя предупредить: забудь о прежних замашках, Ланской. Иначе очень о том пожалеешь.

– Есть забыть о прежних замашках, – ответил я.

– Молодец, соображаешь! – похвалил взводный. – Хотя я не очень-то в это верю. Время покажет, рекрут. А сейчас ступай назад. Круг-о-ом! Шагом марш!

Когда я вернулся, то застал своих сидевшими за столами, очень похожими на ученические парты. Санников зачитывал какую-то брошюру – скорее всего, воинский устав. Голос у него был монотонным, неудивительно, что многие заклевали носом.

Через пару минут ефрейтор отложил книжку в сторону и недовольно покачал головой.

– Что-то вы совсем охренели, рекруты. Ни хрена не цените людской доброты... Вижу, по-хорошему ничего не получится. А ну, встать! – загремел его голос по всему учебному классу. – Выходим из кабинета и строимся в коридоре.

Мы с грохотом поспешили на выход.

– Значит, через голову информацию воспринимать ни хрена не хотим... Ладно, тогда то же самое, но через жопу и ноги! – сообщил ефрейтор.

Санников не обманул, устроив нам общий кросс по периметру части, причём бежать должны были строем и в такт

его команде. Если на первых трёх кругах наше отделение ещё могло её выполнить, то чуть погодя строй начал рассыпаться. Тогда нас остановили и заставили отжиматься, а потом снова отправили в забег.

Так повторилось несколько раз.

Похоже, прежнее тело было привычно к подобным нагрузкам: пусть вся спина облилась потом, но дышалка сохранилась, и ноги не заплетались. Вот только отжимался я всё хуже и хуже: силовая подготовка у Ланского была так себе. Не зря в зеркале выглядел дрищ дрищом.

Ефрейтор, который не просто бегал, а носился словно угорелый и отжимался в несколько раз больше каждого из нас, наоборот, выглядел абсолютно свежим – как огурчик. Даже не вспотел. Я невольно позавидовал его подготовке. Мне до такой физической формы ещё далеко. И я даже не подозревал насколько.

Часом позора для меня стал заход к турникам. Когда после трёх подтягиваний мышцы онемели, а тело повисло безвольной сосиской, я понял – вот он, позор!

Остальные ребята подтянулись раз по десять-пятнадцать, а я оказался слабаком.

– Да, Ланской... – протянул сквозь зубы Санников. – Вижу, что дома ничего тяжелее члена не держал. Вот только ты попал в мой взвод, а у нас таких задохликов не держат. Знаете главный армейский принцип? – Он обвёл нас взглядом и сам же ответил: – Все нормативы засчитываются по самому

последнему. И если ты, сука, нас опозоришь на ближайшей проверке, я, мля твою жопу наизнанку мехом выверну. Стать в строй! Буду думать, что с тобой делать, рекрут.

Сгорая от стыда, я встал в шеренгу. Вот, блин! А в университете у меня была твёрдая пятёрка по физре, и подтягивался я без всяких проблем. Ну что за задохлик мне для вселения достался!

К счастью, наступило время обеда, и нас погнали в солдатскую столовую. Поскольку рекруты пока не считались за людей, ели мы в последнюю очередь. В столовую нас не запустили, пока туда не вошёл последний взвод.

И снова бросилась в глаза разница между тем, как питаются солдаты, и как кормят нас, рекрутов. Счастливые обладатели погон вставали в очередь на раздачу и уносили оттуда полные подносы еды. Мы же сидели за одним столом, на котором стояли миски, заранее были разложены ложки, а в центре находились кастрюли с первым, вторым и какой-то мутной жидкостью. В ней плавали окаменевшие куски неизвестных плодов – очевидно, это был абсолютно несладкий компот из сухофруктов.

Я попробовал суп. Не баланда, которой меня потчевали в тюряге, но и далеко не те разносолы, к которым я привык в семье. Чуток сладковатой подгнившей картошки, несколько рисинок и нечто, отдалённо напоминающее мясо, хотя биться об заклад, что это именно оно, я бы не стал.

На второе было картофельное пюре, на вид вполне аппе-

титное, с кусочком жареной рыбы. Но, попробовав и то и другое, я с огромным трудом проглотил тошнотворный кусок. Пюре оказалось сваренным из концентрата и больше напоминало измельчённую целлюлозу, а вместо нормальной рыбы нам положили обжаренную селёдку.

Есть это было невозможно.

Я думал, что один буду крутить носом от такой пищи, но практически все отодвинули в сторону миски, практически не притронувшись к еде. Многие с завистью наблюдали за тем, что и с каким удовольствием уплетают за обе щеки солдаты. Их явно кормили иначе.

Не успели мы допить компот, как всех погнали на улицу строиться. Дальше снова было монотонное изучение устава, такой же скудный и неаппетитный ужин, ночная прогулка перед сном и, наконец, любимая всеми солдатами команда «отбой».

И только я натянул на голову серое кусачее одеяло, как кто-то похлопал меня по плечу. Я поднял голову. Это был дневальный.

– Ланской?

– Да.

– Ты подтягиваться не умеешь?

– Ну я.

– Баранки гну. Давай в спортзал, тебя ефрейтор Санников тренировать будет.

Глава 6

Я встал с кровати, надел шлёпанцы и потопал в указанном направлении. Шёл с тревожным чувством, не ожидая ничего хорошего. Методы воспитания в батальоне ещё те. Не удивлюсь, если мне сейчас зарядят несколько раз по морде и под дых.

Дать сдачи? Я б с удовольствием, только кураж, с которым я месил тюремщиков, исчез и больше не приходил, а без него мои физические кондиции оставляли желать лучшего. Обычный задохлик, отпинать которого сможет практически любой, не говоря о звероподобном ефрейторе Санникове. Ему достаточно ткнуть в меня пальцем, и я сразу приземлюсь на пятую точку. Да и конфликтовать со старшими по званию тут, мягко говоря, не принято. Не только не поймут – превратят жизнь в филиал одного всем известного учреждения из загробного мира.

Так что я очень старался не лезть на рожон и давить в себе то и дело вспыхивающий внутренний протест. Пока что у меня хватало здравомыслия и соображалки понять, что ни к чему хорошему борьба за собственные права не приведёт. Это не дом, тут нет отца и матери, здесь армия, а ты в ней всего-навсего винтик. Борьба с такой системой заранее обречена на проигрыш.

Почему всё так хреново-то, а? Начал в новом мире не то

чтобы с нуля, а с какой-то отрицательной величины. Бонус в виде аристократического происхождения вообще мимо пролетел. Я теперь больше не дворянин, обычный зэк, который ищет способ как можно быстрее оказаться на свободе, выбрав для этого такой вот экзотический вариант с батальоном смерти.

Толкнул высокую деревянную дверь, выкрашенную в белый цвет, и оказался в большом спортивном зале. Основную часть занимало игровое поле, которое при желании становилось баскетбольным, футбольным или волейбольным. Тут тебе и кольца, и ворота в углу, и пока сложенная сетка. По периметру пущена шведская стенка, стопочкой сложены маты. За полем – боксёрский ринг, с десятков подвешенных к потолку боксёрских груш, три стола для настольного тенниса и качалка, причём довольно неплохо оборудованная. По количеству тренажёров она мало чем уступала спортзалу, куда я ходил в прошлом.

Там меня ждала одинокая фигура Санникова.

– Господин ефрейтор, рекрут Ланской прибыл по вашему приказанию, – доложил я.

– Вольно, рекрут.

Санников переоделся в спортивный костюм с большим имперским гербом на спине. Обут он был в дутые кроссовки.

Я расслабил одну ногу.

– Ты слабак, Ланской, – заговорил ефрейтор. – Висел на турнике, как сосиска, и дёргал ногами. Заруби себе на носу:

слабаков в армии не любят, из-за них страдает всё подразделение. Здесь любой зачёт – по слабейшему. Будешь лажать – потянешь взвод вниз. Из-за тебя станут страдать остальные. Догадываешься, как они будут вымещать на тебе свою злость?

– Так точно, догадываюсь.

Тут не надо быть Вангой, чтобы предсказать. Станут всячески терроризировать, избивать и превращать в изгоя-чмошника, которого лишний раз пнуть или напрячь не грех. Таковы законы мужского общества.

– Молодец, что догадываешься. Только этого мало. Мне слабаки не нужны, поэтому каждый день после отбоя будешь приходить сюда в спортзал для дополнительных занятий. Даже если у тебя руки-ноги отваливаются, тащишь сюда свою задницу и делаешь то, что я прикажу. В конце концов, это и в твоих интересах. Усёк, рекрут?

– Так точно.

Я удивился, что сейчас ефрейтор общался со мной совершенно иначе: на вполне нормальном, близком к литературному русском языке, без всяких матов. И бить, похоже, меня не собирались. Санников сейчас больше смахивал на обычного тренера, а не на вурдалака, каким он был ещё час назад.

– Переобувайся, – кивнул он в сторону пары прорезиненных кед, заранее принесённых с собой.

Я скинул шлёпки, натянул на босые ноги кеды.

– Для начала разминка – пять минут бега в среднем темпе.

На старт, внимание... Марш!

Я потрусил вдоль спортзала. За день, конечно, умаялся, но кое-какие силы пока остались, так что на бег меня точно хватило. После разминки начались подходы к тренажёрам, стоит отметить, довольно грамотные. В фитнес-центре Санникову как персональному тренеру цены б не было.

Я снова удивился перемене в его поведении: никаких криков, матов, спокойный деловитый тон, сразу настраивающий на нужный лад. Меня даже охватила ностальгия по прошлому.

После тренажёров меня отправили делать кардио, а затем, убедившись, что я выжат как лимон, Санников довольно хмыкнул и отпустил в душевую.

– На сегодня достаточно, рекрут.

– Господин ефрейтор, разрешите спросить?

– Спрашивай.

– Нас много гоняют, мы тратим много сил, но почему нас так плохо кормят?

Ефрейтор усмехнулся.

– Была в античности такая палка для рабов, называлась стимулом. Если кто-то плохо работал или ленился, получал стимулом по хребту. Так вот, для вас, рекрутов, хорошая жратва, которую получают нормальные солдаты, и есть тот самый стимул, ради которого вы скоро из кожи лезть будете. Что касается самой пищи, поверь: в ней выданы все нужные вам калории. Просто вы ещё не поняли: на выходах порой

приходится жрать любую дрянь, что шевелится, и воротите свой нос. Я доступно объяснил, Ланской?

– Так точно.

– Всё, иди мойся. Подъём в шесть утра. Увижу, что клюёшь носом во время занятий, дам по морде.

В душевой – о счастье! – текла не только холодная, но и тёплая вода. Стоять под её струйками было настоящим блаженством.

Хорошенько намывшись и обтеревшись полотенцем досуха, я вернулся на койку и сразу захрапел.

– Рота, подъём! – Крик дневального был способен мёртвого поднять из могилы.

Я подскочил. Казалось, на теле не осталось ни одного живого места, болела каждая мышца, любое движение доставляло муку. Но приходилось перебарывать себя и спешить. На взлётке уже стоял, поглядывая на циферблат часов, Санников.

Нам же предстояло одеться и построиться за объявленный накануне норматив в сорок секунд. Люди вокруг мельтешили перед глазами, толкались и мешали друг другу. Самый первый оказался на взлётке минуты через полторы.

Когда отделение построилось, Санников покачал головой.
– Да вы охренели, рекруты! Я ждал целых три минуты. Три, ... вашу мать, минуты! Долбаные улитки и то быстрее вас. Отбой! Время пошло!

Теперь предстояло «отбиться» за то же время. И снова по-

шла всё та же далеко не весёлая кутерьма.

– Охренеть! – только и сказал ефрейтор. – Вы, мля издеваетесь, что ли?! А ну подъём, развездяи!

Таким макаром нас гоняли раз двадцать, пока результат не показался Санникову более-менее удовлетворительным.

– Ладно, раздолбаи, придётся вас перед отбоем дрючить и дрючить!

Началась утренняя зарядка. Голые по пояс мы намотали несколько кругов по военному городку. Вчера я не успел ничего толком рассмотреть, всё сливалось в одно серое и унылое зрелище. Сегодня же на бегу я то и дело бросал взгляды по сторонам, пытаюсь понять, куда же меня занесло.

Все здания были выстроены в классическом стиле и украшены колоннами, портиками, балконами и даже лепниной. От них веяло строгой архитектурной красотой, передававшей возвышенный имперский дух. Даже казармы казались произведением искусства, а штаб вообще походил на Эрмитаж. Только вместо гранитных плит вокруг него лежало асфальтовое покрытие. А вот беговые дорожки были посыпаны красной гранитной крошкой, совсем как в питерских парках.

Кстати, о парках, но на сей раз технических: путь лежал вдоль одного из них. Краем глаза я увидел три бронемашинны, выкрашенные в защитный цвет, контурами напоминающие БМП из моего мира. Возле них уже возились люди. Какие-то склады, за колючей проволокой ходит часовой, при-

чём всё по-серьёзному: каска и броник налицо, за спиной автомат неизвестной конструкции (ничего общего с «калашом») с примкнутым штык-ножом.

Солнце ещё только взошло, на улице было прохладно, но наши полуголые тела быстро покрывались потом и начинали блестеть в лучах рассвета. Часть давно уже проснулась. На пути нам то и дело встречались солдаты: кто-то подобно нам совершал пробежку, кто-то вертелся на турниках и крутил «солнышко», человек десять выполняли приёмы рукопашного боя – что-то вроде боевого самбо. То и дело попадались офицеры, спешившие на службу. Каждый раз, увидев такого, мы переходили на строевой шаг.

После бега нас выстроили на плацу, где под командованием Санникова мы стали выполнять комплекс упражнений утренней зарядки. Ничего необычного, вполне стандартные махи руками и ногами, приседания и прочее в том же духе. Я с удивлением ощутил, как проходят боль и усталость после вчерашнего, как тело наполняется энергией. Туман, стоявший в голове сразу после подъёма, прояснился.

После физзарядки и умывания нас повели на завтрак. Не знаю, то ли я оказался таким голодным, то ли еду на сей раз приготовили нормально, однако гречневую кашу с тушёной, два куска хлеба с кругляшами сливочного масла и стакан кофе, разбавленного молоком, я проглотил в один присест. И пусть не до конца наелся, всё равно тут же почувствовал себя человеком.

Особо разъедаться не дали, быстро выгнали из столовой на улицу. Началось воинское таинство под названием «развод». Ничего из ряда вон выходящего там не произошло, но зато я впервые увидел комбата Варянского, которого за глаза бойцы звали Варваром. Он действительно походил на древнего викинга: такой же светловолосый, мощный, высокий. Ему бы бороду отрастить да переодеть в кольчугу и нахлобучить на голову рогатый шлем (да, я в курсе, что на самом деле викинги их практически не носили, но стереотипы есть стереотипы) и смело можно срисовывать с него скандинавского бога Одина.

Новобранцы его интересовали меньше всего, к нам он даже не подошёл, просто выслушал рапорт взводного.

Распорядок дня не блистал разнообразием: теоретические занятия чередовались с физподготовкой. Интересно, когда нас допустят к оружию? Одно дело, когда тебе в башку вдалбливают всевозможные инструкции, и совсем другое, когда в твоих руках появляется Оно. Именно так – с большой буквы!

Глава 7

Удивительное дело: кажется, что день тянется чуть ли не бесконечно, но потом хлоп! – и вдруг выясняется, что уже пролетела целая неделя. Незаметно подкралось моё первое воскресенье, объявленное выходным. Ну как выходным – всё в полном соответствии с армейской поговоркой: что ни отдых, то активный, что ни праздник, то спортивный.

Выразилось это лишь в отмене занятий. Вместо них нас погнали в спортгородок, где устроили эстафеты и прочие «весёлые старты». Выяснилось, что я неплохой бегун – хоть какая-то плюшка от истинного владельца тела. Не чемпион, конечно, однако показал очень хорошие результаты в забегах на сто метров и три километра. В последнем состязании вообще пришёл к финишу первым в учебном взводе.

За эту неделю произошло не так уж много событий. Самый главным из них стало появление в части ещё двух десятков зелёных рекрутов; в итоге взвод стал полноценным: в нём появились сразу три отделения. Формально каждым «рулил» ефрейтор, к примеру, нашим занимался Санников.

Однако каждый из нас примерял на себя в течение дня обязанности командира отделения. Санников выдавал белую повязку с надписью «стажёр» и коричневый кожаный планшет, крепившийся к портупее. Теперь стажёры водили отделение на зарядку, развод, приёмы пищи, вечернюю прогулку

и отбой, а Санников наблюдал за процессом, практически не вмешиваясь.

Я сам не заметил, как вошёл во вкус ещё в первый день стажёрства. Наверное, это играли и бурлили отцовские гены, мне нравилось командовать, вести за собой людей. И, как часто бывает с новичками, дорвавшись до власти, я перегнул палку.

После ужина нам полагалось с полчаса личного времени, в это время ослабевал надзор даже сверхбдительных ефрейторов и унтеров, которые подходили ближе к вечерней прогулке.

Я устал как собака после кроссов, и пусть опять опарафинился при сдаче нормативов на турнике, всё равно ощущал в себе некоторый душевный подъём. Эдакая усталость в теле и одновременно приподнятое настроение. Приятно быть хоть в чём-то лучше других. Да, я хреново подтягиваюсь, зато бег – мой конёк. К тому же на моём рукаве была белая повязка стажёра, весь день я командовал отделением, и, как мне казалось, неплохо. Правда, то и дело ловил на себе косые взгляды сослуживцев, однако явного сопротивления приказам не встречал.

Папа всегда твердил мне: будь проще – и люди к тебе потянутся. Я пробовал вести себя именно так, как он говорил, но результаты пока не были радужными. Парни меня откровенно чурались, я чувствовал себя какой-то белой вороной и не понимал, как исправить ситуацию.

Почему-то что в школе, что в университете я никогда не испытывал дефицита в общении, приятелей и друзей что там, что там было хоть завались, но тут просто какой-то затык. Сложно сказать, разойдутся ли наши стёжки-дорожки после того, как на плечи лягут солдатские погоны, но интуиция подсказывала, что с кем-то из этих парней всё равно придётся тянуть вместе все эти пять лет контракта. Если не в одном отделении, так во взводе точно.

По установившейся традиции мы не звали друг друга по фамилии – иногда по имени, но чаще всего по стихийно возникшим прозвищам. Конопатый, которому в первый день «пробивал фанеру» фельдфебель Белов, так и остался для всех Рыжим. Ко мне приклеилось погоняло Лан – сокращённое от Ланской.

А ещё в отделении появился неформальный лидер – смуглый и разбитной парень года на два постарше остальных, откликавшийся на погоняло Цыган. Сухой и при этом жилистый, физически крепкий и явно неглупый, он сразу подмял под себя ребят. Прошло всего несколько дней, а все, кроме меня, буквально ему в рот смотрели. Как это у него получилось, ума не приложу.

При этом не похоже, чтобы Цыган прикладывал к этому какие-то особые усилия. Быть может, яркая лидерская харизма или что-то другое. Однако на меня она не действовала, я словно оказался на другом полюсе. Вероятно, это тоже было одной из причин, по которым у меня не складывались

отношения с сослуживцами. Они держались вместе, а я вроде как на отшибе.

Когда коту нечем заняться, он полирует до блеска яйца. В армии терпеть не могут отлынивающего бойца, поэтому лучше всегда изображать какую-то деятельность, если не хочешь, чтобы тебя припахали. Я сидел на табурете и тряпчочкой натирал латунные пуговицы куртки. Считалось особым шиком, когда они блестят и переливаются на солнце, словно перламутровые.

В этот момент меня тронули за плечо. Я вскинул голову и увидел длинного и нескладного Кузю, у которого явно была некоторая заторможенность в развитии. Он словно немного застрял в детстве. В иных обстоятельствах его лёгкий инфантилизм и наивность могли бы вызвать умиление, но только не в армии. Странно, что комиссия вообще его пропустила.

– Чего тебе? – спросил я, продолжая наяривать тряпкой.

– Лан, тебя Цыган ищет.

– Чего меня искать? Я здесь, – спокойно произнёс я.

Стычек с Цыганом у меня не было, но в душе я догадывался, что это до поры до времени. Рано или поздно коса найдёт на камень.

– Ему надо с глазу на глаз с тобой потолковать, – Кузя беспомощно оглянулся. – Лан, ну не артачься, а... – Вид у него при этом был абсолютно детский и безобидный, как у плюшевого медвежонка.

Мне стало его жалко.

– Где?

– Он во дворе тебя ждёт, – обрадовался Кузя.

В любой воинской части, несмотря на установленный строгий контроль и порядок, всегда есть места, в которых солдат может, как это принято говорить, про...ться. Какими бы пугливыми и неопытными ни были мы, рекруты, однако даже нам удалось быстро вычислить парочку таких мест. К ним относилась в первую очередь территория за казармой, куда почему-то не выходило ни одно окно, а с других мест его было сложно разглядеть из-за густо посаженных деревьев. Мы называли этот крохотный пятачок двором.

Я отложил куртку и поднялся. Воровство у нас не приветствовалось, «крыс», таскавших у своих, не любили, впрочем, как и стукачей. Так что я мог не опасаться, что куртку кто-нибудь тиснет.

– Пойдём.

Чем ближе я подходил к двору, тем меньше и меньше мне нравилась эта история. Не похоже, что меня ждёт приятный разговор в тёплой и дружеской обстановке, скорее наоборот. С другой стороны, пасовать тоже нельзя: запишут в трусы и чмошники, и ты никогда не ототрёшься от этого.

Как и в зоне, в армии тоже есть свои понятия, и большинство из них действительно понятны сразу, словно записаны на подкорке сознания. Прогибаться нельзя, но и отделяться от коллектива тоже. Чем быстрее вольёшься в одноцветную массу «своих», тем будет легче, и меньше ненужного внима-

ния и придирок.

Хоть Цыган вроде и звал меня потолковать тет-а-тет, однако во дворике он прохаживался в компании своего заместителя – плюгавого Ушана, который так походил на шакала Табаки из «Маугли». Такой же лопоухий (отсюда и прозвище Ушан) и визгливый. Почуввав в Цыгане силу и авторитет, Ушан с первого дня приблизился к нему и теперь бегал покорной собачонкой.

Сам по себе опасности этот прихлебатель не представлял: ниже меня ростом и гораздо слабее, пусть и вертелся на турнике юлой. Тем не менее я мог свалить его с копыт одним щелчком. Конечно, не проверял этого на практике, но откуда-то знал и был уверен на все сто. А вот Цыган – другое дело. В нём интуитивно чувствовался опытный боец, за плечами у которого богатый багаж уличных драк и стычек.

Нам запрещалось выпытывать друг у друга детали прошлого: военнослужащие батальона, как красиво говорили нам, начинали жизнь с белого листа – я часто слышал это выражение. Но на уровне сплетен и слухов информация о всех и о каждом так или иначе просачивалась, становилась доступной.

Об Ушане поговаривали, что сюда его сплавил родители, которых он чуть не разорил пристрастием к карточной игре: в империи не были запрещены казино и игровые залы с «однорукими бандитами». Такие, как Ушан, обычно просаживают уйму денег и становятся всем должны. Что, собствен-

но, и получилось. В итоге его сплавляли сюда, чтобы спастись от разгневанных кредиторов.

Про Цыгана ходили слухи, очень похожие на правду, что он член крутой бандитской группировки, причём не из рядовых. Но в армию угодил отнюдь не из тюрьмы, в отличие от меня. Как и в моём мире, засадить такого за решётку – штука сложная. У ребят хватает бабла на всё: и на подкуп следаков, и на крюкотворов-адвокатов.

История Цыгана оказалась по-своему занятной и в чём-то романтической: в парня втюрилась дочка какого-то аристократа, причём основательно. Девка так втрескалась, что сбежала из дома и несколько дней жила на хате любовника. Само собой, долго такая верёвочка виться не могла: папаше пришлось не по душе, что его дочь вошкается с плебеем. В итоге Цыгана взяли в такой оборот, что самым лучшим выходом стала армия, и не рядовая воинская часть, а батальон смерти.

Глядя на его смуглое смазливое лицо, в это охотно верилось. Уверен, он перепортил до службы кучу девок. Вот только то, что Цыган – бабник, не делало его менее опасным. Это был отнюдь не комический персонаж. Глядя на него, я ни капли не сомневался: при необходимости он убьёт или покалечит – это было написано у него в глазах.

Ну что ж, посмотрим, что день грядущий нам готовит. Я уже примерно догадывался, что именно, однако надежда умирает последней, пусть и в тяжёлых муках.

Глава 8

– Вот, Цыган, привёл тебе Лана, как ты просил, – заискивающим тоном произнёс Кузя.

– Растворись, – велел ему тот, и Кузя, попятившись назад, быстро пропал с радаров. Сделал он это с видимым облегчением. Ему явно не хотелось быть свидетелем того, что скоро произойдёт.

Мне же предстояло отыгрывать ту роль, которую я сам на себя взвалил – независимого чувака. Говоря по правде, меня слегка потряхивало. Разборки – не мой конёк. Даже в прошлом, когда у меня была довольно приличная физическая форма и я мог постоять за себя, всегда сторонился подобных мероприятий. Да и отец советовал избегать левых тёрков, когда совершенно непонятно, каким боком оно тебе вылезет. Лезть в бутылку, с его слов, имело смысл, только когда заде- ты твои интересы.

– Чего звал? – поинтересовался я. Голос, к счастью, не подвёл, оказался ровным, хотя одному только богу известно, каких усилий мне это стоило.

– Вопросы к тебе накопились, Лан, – с ленцой уверенного в себе хищника протянул Цыган. Так кошка играет с мышкой, прежде чем окончательно задушить.

Он ждал, что я поинтересуюсь: о каких, собственно, вопросах речь? Но я догадался, что мне хотят навязать прави-

ла игры, и потому просто пожал плечами, демонстрируя, что откровенно не понимаю, о чём речь. Делал я это по возможности уверенно, изображая, что спокоен как слон, хотя сердце билось тревожной птицей в клетке, а к горлу подкатывал невкусный ком.

Цыган оценил моё поведение, обратившись к Ушану как к зрителю:

– Как думаешь, он дурак или прикидывается?

– Прикидывается, – с готовностью отозвался тот.

– Вот и я так думаю, – кивнул Цыган. – Прикидывается.

Он испытывал огромное удовольствие от процесса, растягивал и смаковал каждую секунду. Было в этом что-то от психологического садизма. Не часто я встречался с такими типами. Даже сокамерники мне попадались достаточно спокойные и уравновешенные, без всех этих понтов и вывертов.

– Если есть что предъявить, предъявляй. Если позвал просто побазарить, базарь с Ушаном, а у меня дел полно, – заявил я, понимая, что этим исключаю мирный способ урегулирования конфликта.

Впрочем, кого я обманываю: меня позвали сюда, чтобы унижить, и Цыган не из тех, кто резко поменяет планы.

– Предъява тебе нужна? – покачал головой он. – Будет тебе предъява. Люди говорят, что ты дятел, стучишь на всех унтерам.

– Мало ли что люди говорят... Конкретно изложить можешь?

– Да уж куда конкретнее. Каждую ночь после отбоя ты тушуешься с Санниковым, что-то перетираешь с ним. Никто не сомневается: ты стукачок. Как тебе предьява, а? – Он довольно вскинул подбородок.

Не ожидал, что наши занятия пустят такие круги по воде. Вроде каждая собака в курсе, чем мы занимаемся, а поди ж ты... Или Цыганку просто нужен повод, чтобы придолбаться, а какой – неважно. Не ночные упражнения в спортзале, так что-то другое. У него явно на меня зуб. Ну не нравится Цыгану моя независимость, такие любят, когда под ним ходят все. А непокорных учат.

– Предьява так себе, – хмыкнул я. – Всем известно, что я хреново подтягиваюсь. Санников меня тренирует после отбоя.

– И только? – презрительно фыркнул Цыган.

– Конечно. Ты пару раз к Белову ходил – я же не кидаю тебе предьявы, – подпустил шпильку я.

– Ах ты, сука! – побледнел Цыган. – На меня батон крошишь?

– Разве? – удивился я. – Я только сказал, что видел тебя у Белова. Но стукачом не называл. Твои претензии мимо кассы.

Действительно, я был свидетелем нескольких таких сцен. Что служило причиной этих визитов, понятия не имею, да и не забивал себе этим голову.

Но Цыгана конкретно зацепило. Его взгляд наполнился

ненавистью.

– Лан, ты охренел! Хочешь, чтобы я проверил, действительно ли в тебе течёт голубая кровь?

Понятно, о моём аристократическом происхождении сослуживцы уже знали, хотя фамилию Ланских носят не только представители рода, но и бывшие крепостные – совсем как в моём мире. К тому же я почти телезвезда: о том злополучном убийстве рассказывали из каждого утюга. Наверняка мой фейс успел примелькаться, и никакое инкогнито здесь не спасёт.

– Моя кровь точно такого же цвета, как у тебя, – сказал я банальную вещь. – И ещё могу повторить: на своих никогда не стучал и стучать не собираюсь. Всё, Цыган, больше эту тему развивать не собираюсь.

Но так легко мне уйти не удалось.

Ушан, как полагается пресловутому Табаки, начал отыгрывать свою партию:

– Цыганок, а ведь он сейчас жаловаться на нас побежит! Зуб даю, стуканёт, – встрял у меня на пути лопоухий.

Если пропущу этот выпад, мне полный песец: доконают в ближайшие дни. Затравят уже всем коллективом. Ушан знал своё дело, мастерски втянув меня в конфликт.

– Пошёл нах... придурок!

Я двинул ему в челюсть. Удар был так себе, на троечку, да я и не особо старался вкладывать в него силы. Это было скорее демонстрацией, и только. Но кулак угодил в губу и

разбил её в кровь.

Ушан потрогал саднящее место.

– Цыганок, ты только глянь: этот гад мне морду раскровянил! – с деланным изумлением произнёс он.

Сейчас меня будут учить и руками и ногами, понял я.

Ленивая расслабленность Цыгана куда-то прошла, он явил свою звериную сущность.

– Сука!

Он оказался хорошим боксёром, его прямому мог бы позавидовать Костя Цзю. Моей реакции не хватило, чтобы уклониться. Его кулак погрузился в солнечное сплетение. Из меня словно вышибли дух. Я машинально согнулся и тут же пропустил второй удар, не менее жестокий и опасный, на сей раз коленом в лицо.

В прошлой жизни у меня были шансы побороться с Цыганом на равных, но это тело было слишком слабо и не тренировано. Я словно налетел на фонарный столб: из глаз посыпались искры, в голове загудел колокол. Это было больно и унижительно.

Цыган издевательски захохотал, рядом, подвизгивая, вторил ему Ушан. Им доставляло удовольствие наблюдать, как я мучаюсь и страдаю. В их смехе не было ни капли сострадания, только издёвка.

– Что, Лан? Съел, сука? – склонился надо мной Цыган. – Теперь ты понял, что я сделаю с тобой, гандон штопаный?

– Понял, – прохрипел я.

Глаза ничего не видели, они словно заплыли кровью.

А Цыган продолжал куражиться:

– Сейчас я заставлю тебя снять штаны и бежать в казарму с голой жопой. И если только вздумаешь пикнуть насчёт меня, придушу как кутёнка. И мне ничего за это не будет. Веришь, Лан?

Он склонился надо мной. Я почувствовал несвежее дыхание из его рта. Этот урод упивался своим могуществом, властью над теми, кто слабее его.

– Понял.

Меня стошнило. Рот сразу наполнился привкусом какой-то дряни.

– Жри свою блевотину, гад! – зарычал Цыган. – Кому говорят, жри! – Он надавил рукой на мою голову, склоняя к расплывшейся на земле отвратительного вида кашнице.

И тут на меня накатило. Это произошло внезапно и стремительно, за какие-то наносекунды. Странная волна нахлынула на меня, охватив всего, с ног до головы. Это была безудержная ярость. Я вдруг понял, что способен на всё и что нет на свете преграды, могущей мне противостоять.

Я даже слегка испугался этой странной эйфории: она как будто родилась где-то вовне и была чем-то чужеродным. Это был я и не я одновременно. В моих жилах плясал невидимый огонь, мышцы распирало от силы. Никогда во мне не было столько могущества. Да я мог свернуть горы и переплыть океан!

А потом меня накрыло новым приливом. Конечно, мне доводилось знать по себе, что такое адреналиновые всплески, но чтобы настолько... Я перестал быть человеком, превратился в машину, созданную только ради одного – крушить и убивать. Уничтожать всё на своём пути, рвать с корнем, действовать самыми грязными приёмчиками: царапать, кусать, выдирать кадыки...

Миллионы кровожадных мыслей проносились у меня в голове, и все они сводились в итоге к способам умерщвления. Даже не ожидал, что у меня окажется настолько буйная фантазия. А ещё это было слабое подобие того странного порыва, охватившего меня в тюрьме. Такая бледная китайская копия чего-то брендового.

Цыган не заметил произошедших со мной перемен. Он праздновал победу, не догадываясь, какой его ожидает сюрприз. А я жаждал реванша. Я мечтал о нём больше всего на свете. И ещё больше о том, как убью этого гада, сверну ему шею.

Тело распрямилось само собой, мозг даже не участвовал в этом процессе.

– Жрать блевотину? Да сейчас сам её, сука, сожрёшь!

Я схватил Цыгана за ворот куртки, нагнул и ткнул мордой в остатки моего непереваренного ужина.

– Лан, мля!.. – Табаки опомнился раньше своего Шерхана, попробовал прыгнуть на меня сзади, но я только повёл плечами, и тщедушного Ушана как ветром снесло.

– Понравилось? – зарычал я и, приподняв Цыгана, снова ткнул в зловонное пятно.

Он пытался вырваться, но у него не выходило. Не было на свете такой силы, что могла потягаться со мной.

Я снова заставил Цыгана выпрямиться, с наслаждением увидел его измазанное в грязи и рвоте лицо, насмерть перепуганный взгляд.

– А теперь пришло время умереть!

Я замахнулся правой рукой, зная, что сейчас одним ударом вгоню его челюсти прямо в мозг. Мне это не составит большого труда.

Внезапно, глаза Цыгана закатились, он как-то странно обмяк и превратился в безвольную куклу. До меня не сразу дошло, что он потерял сознание от страха. Но как только я это понял, странный приступ бешенства куда-то ушёл. А вместе с ним меня стремительно покидали физические силы. Я больше не мог удерживать тело Цыгана, пальцы левой руки разжались, он упал на землю.

– Пусть это послужит тебе хорошим уроком! – проскрипел я и на негнущихся ногах побрёл к казарме, стараясь не думать, что меня ждёт дальше.

Вряд ли обойдётся без последствий: пусть сильного вреда Цыгану я не причинил, так, попугал малость, однако в последний момент я почувствовал спиной, что за нами наблюдает кто-то посторонний. И этот посторонний мог оказаться кем угодно. Например, унтером или офицером.

Больше всего я боялся, что приступ повторится, я снова перестану быть собой и натворю кучу безумств.

– Господин штабс-капитан? Я могу войти?

Начальник особого отдела батальона штабс-капитан Голиков поднял воспалённые от бессонницы глаза и с трудом сфокусировал взгляд на госте.

– И вы, мундиры голубые...

– И ты, им преданный народ, – продолжил строчку гость. – Так я могу войти?

– Как я могу отказать вам, господин ротмистр, – вяло улыбнулся Голиков. – Проходите, господин, э-э-э...

– Ротмистр его величества отдельного корпуса жандармов Никольский, – представился тот. – Честь имею.

Особист встал.

– Штабс-капитан Голиков. Полагаю, вам это известно не хуже, чем мне.

– Спасибо за приглашение, господин штабс-капитан.

Жандармский ротмистр шагнул в кабинет, обвёл его взглядом, затем посмотрел в упор на Голикова.

– Надеюсь, вы знаете, что эти строки в действительности не принадлежат перу Лермонтова?

– Доводилось слышать, – кивнул тот. – Какими судьбами, господин ротмистр?

– Думаю, вы догадываетесь.

– Рекрут Ланской?

– Он самый, штабс-капитан.

– Но ведь семья отреклась от него, Ланского шельмовали. Теперь он не опаснее обычного человека. Тем более, – Голиков подошёл к сейфу, открыл его, достал дело рекрута Ланского и положил перед собой, – у него ощутимые проблемы с физической подготовкой. Я даже не уверен, что он сдаст необходимый уровень на экзаменах. Один из ефрейторов взял над Ланским шефство и занимается с ним на тренажёрах перед отбоем.

Жандарм на секунду задумался.

– И ничего странного или необычного с рекрутом Ланским за время службы в батальоне не происходило? – наконец спросил он, наблюдая за реакцией собеседника.

– Разумеется, нет, – улыбнулся особист. – У меня везде свои люди. Если бы хоть что-то произошло, я бы обязательно об этом узнал.

– И сообщили бы нам?

– Разумеется, господин ротмистр.

– Вы подняли мне настроение, штабс-капитан. Это хорошо, когда армия сотрудничает с жандармами. В конечном итоге выигрывают все. А теперь разрешите откланяться. Я услышал всё, что мне было нужно услышать. Честь имею! – откозырял Никольский.

Глава 9

Не знаю, как я дотянул до отбоя. Сил не хватило даже на то, чтобы умыться и почистить зубы, а ведь впереди ждала обязательная тренировка с ефрейтором.

После того как прозвучала команда, я поплёлся в зал, как на казнь.

Санников сразу заметил, что со мной явно что-то не так.

– Ты какой-то странный сегодня, рекрут. Сам на себя не похож.

– Виноват, господин ефрейтор. Исправлюсь, – промямлил я, мечтая только об одном – свалиться в койку и дрыхнуть без задних ног.

– Давай, исправляйся, – хмыкнул он. – Как всегда, начнём с разминки. Десять кругов – бегом марш!

Я побежал со скоростью беременной улитки.

– Быстрее, Ланской! Темп набирай, если не хочешь получить поджопник! – стал злиться мой армейский тренер.

Я попробовал ускориться. Сначала это показалось мне невозможным: конечности словно налились свинцом и категорически отказывались подчиняться. Я страшно вспотел, пытаясь выполнить команду, слабость была неимоверная. Первый круг я не пробежал, а прочухал.

– Твою мать, Ланской! Кому сказано, быстрее! Рановато тебе на перетрен ещё жаловаться!

В голове крутилось одно: плюнуть на всё, на любые последствия, завалиться прямо сейчас на голый дощатый пол и не вставать, даже если меня начнут бить ногами. А всё постепенно к этому и шло, Санников уже начал кипятиться.

И всё-таки я заставил себя пойти на второй круг. Бом, бом, бом – что-то колотило меня по вискам, отдавало колоколом внутри черепной коробки. Катастрофически не хватало воздуха, я сбился с темпа и теперь задыхался, как рыба, выброшенная на берег.

– Ланской, какого лешего?! Ты же отлично бегаешь, я своими глазами видел. А ну, ускоряйся, говнюк!

На прежних тренировках ефрейтор себе такого не позволял. Видимо, сейчас его порядком подбешивала моя физическая немощь.

Дурацкая фраза возникла из ниоткуда и прилипчиво застряла в башке: маленький, блестящий, совсем как настоящий... Я повторял её про себя снова и снова. И внезапно где-то на третьем круге почувствовал, что тяжёлые оковы, сцепившие мои руки и ноги, как будто постепенно спадают. Бежать стало намного легче.

– Ну вот, совсем другое дело! – обрадованно произнёс ефрейтор. От него не укрылись очередные перемены в моём состоянии. – Я уж начал думать, что ты того – кони решил двинуть. А всё, оказывается, не так уж и плохо. Эх, Ланской, мало тебя в детстве, видать, дрючили!

Поскольку я знал только детство из моей прошлой жизни,

ничего не мог сказать на сей счёт. Отец у меня был человеком вспыльчивым, под горячую руку мог и подзатыльник отвесить, и ремешком по одному месту пройти. Правда, случалось это крайне редко и, честно говоря, после реальных косяков. В остальном детские годы были довольно безоблачные: отец всё-таки очень любил меня и старался сделать так, чтобы у меня всё было. Вот только я, дурак, не всегда слушал его советы, пытаясь жить своим умом, и потому набивал шишки на ровном месте.

К концу разминки тело восстановилось практически полностью. Странно, но, кажется, эта дурацкая прилипчивая фразочка оказала на меня чуть ли не магическое действие, разом приведя в порядок и физическое и психическое состояние. Короче, я вновь ощутил себя полноценным человеком. Ещё большим сюрпризом стало то, что сегодня мне удалось установить свой первый рекорд по подтягиванию: вместо трёх-четырёх жалких подёргиваний на турнике, я вполне технично коснулся подбородком перекладины целых семь раз.

– Ну, Ланской, ну сука! – восхитился Санников. – Молодец! Не зря тебя гонял неделю, успехи налицо. Продолжишь в том же духе – сдашь норматив и получишь погоны!

– А если не сдам? – на всякий случай спросил я.

– Если не сдашь, через две недели у тебя будет переэкзаменовка. Завалишь – вернёшься на хрен в ту хату, откуда тебя забрали.

Я нервно сглотнул. Возвращаться в тюрьму и отсиживать полный срок как-то не улыбалось от слова совсем. Вот только уверенности, что дальше мои успехи в физподготовке будут нарастать в геометрической прогрессии, не было. То, что произошло сегодня, можно охарактеризовать только как чудо.

В прошлой жизни я привык к тому, что чудес на свете не бывает. Здесь они случаются, но вряд ли идут густым потоком.

Постояв под душем и смыв с себя липкий пот, я вернулся в распорягу. Не успел завалиться в койку, как почувствовал прикосновение чьей-то руки к плечу. Вряд ли это дневальный. Наверняка история с Цыганом не закончилась, и теперь её инициатор подготовился и требует продолжения банкета.

Я с тоской развернулся и действительно сумел разглядеть в темноте знакомую физиономию.

– Чего надо, Цыган? – обречённо спросил я. Влипнуть в очередную драку было выше моих сил.

– Слушай, Лан! Извини, был неправ, – к моему удивлению произнёс Цыган.

– Нет проблем, – с лёгкой душой ответил я.

– В общем, ты нормальный чувак. Я подумал: ну чего нам с тобой ругаться? Что, других проблем у нас нет? Так что предлагаю мир. Идёт? – Он протянул свою руку.

– Мир! – пожал я её в ответ.

– Спокойной ночи, чувак! Больше тебе в отделении никто

предьявы кидать не будет, зуб даю, – пообещал он.

– И тебе спокойной ночи, Цыган!

С лёгкими мыслями я лёг спать и мгновенно провалился в глубокий сон. Как же приятно знать, что одним врагом у тебя стало меньше. А извинения Цыгана не показались мне притворными, похоже, он говорил от всей души.

Утром на разводе нам сообщили, что после обеда в нашем расписании появится новый предмет – ОПП. Аббревиатура расшифровывалась как «Основы противомагической подготовки». На послеобеденном перекуре (а теперь у нас появилась и такой) Санников сообщил кое-какие любопытные детали.

– Курс будет вести поручик Шереметева.

– Баба, что ли? – хмыкнул Цыган.

С некоторых пор нам позволялись некоторые вольности не в строю. Само собой, я не курил, но старался держать поближе к основной массе сослуживцев, которые сейчас обступили ефрейтора полукругом.

– Сам ты баба! Я же сказал: офицер в чине поручика. Эта, как ты говоришь, «баба» заставит тебя оторвать свои яйца и сожрать их, ещё и причмокивать будешь, – сказал Санников. – Мой вам совет: будьте аккуратны, мужики. Хотя, – он мечтательно зажмурился, – чудо как хороша! Стояк вам после занятия обеспечен.

Больше он рассказывать не стал, только добавил, что сами обо всём узнаем.

Заинтригованные, мы с трудом дождались начала занятия. Одним из будоражащих элементов стало то, что преподаватель – женщина. За время службы мы почти не видели лиц противоположного пола, если не считать тучных поварих в столовке. И пусть нам в компот подмешивали что-то, успокаивающее либидо (парни базарили, что своими глазами видели большие жестяные фляжки, на которых красовалась надпись «бром»), мысль о том, что мы скоро увидим женщину, причём, со слов ефрейтора Санникова, красивую, будоражила не одного меня.

И вот час настал.

Занятия ОПП проходили повзводно. Рекруты выстроились в коридоре вроде ничем не приметной филёнчатой двери. Вот только уже привычной дырки, через которое начальство подглядывало за тем, не маются ли ученики какой-то дурью вместо занятий, в этой двери не имелось. Мы стояли по команде «вольно», переминаясь с ноги на ногу. Всех просто снедало любопытство. Ну что же там за этими дверями? Настолько ли хороша госпожа поручик, как её описывал Санников?

К тому же само слово «магия», с которой нам вроде бы как предстоит бороться, вызывало у меня просто жгучий интерес. То, что практиковалось в моём мире, я всегда расценивал как обычное шарлатанство. Если и было что-то настоящее, я об этом не слышал. А здесь магия – явление довольно привычное, пусть мне пока и не пришлось с ней столкнуться.

ся. Более того, хозяин тела, в котором обреталось сейчас моё сознание, и сам в прошлом был магом, но... После сурового приговора суда его шельмовали, что влекло за собой автоматическое отключение от волшебства.

Двери распахнулись сами собой.

– Заходим и рассаживаемся по местам, – велел Санников.

Мы осторожно входили в помещение, которое на первый взгляд ничем не отличалось от рядового учебного класса, к каким каждый из нас привык за эту неделю с небольшим, проведённую в армии. На возвышении – преподавательская кафедра с классическими столом и стулом. Большая доска, на которой пишут здешними аналогами разноцветных маркеров. В самом центре – портрет государя императора Николая III в золотой рамке. На стенах – обучающие плакаты. Двухместные ученические столы, выстроенные в три ряда. Позади ширма, прячущая от любопытных глаз то, что нам ещё пока рано видеть.

За высокими окнами течёт своя жизнь: марширует по плацу взвод солдат, иногда проходят офицеры. Гражданских практически нет: им тут просто нечего делать.

– Взвод, встать! Смирно! – рявкнул Санников.

На пороге появилась... не женщина, скорее девушка, на вид лет восемнадцати, не больше, в мундире, который выгодно подчёркивал красоту её стройной фигуры. Высокая, с ногами до ушей, с выпуклостями нужного размера в нужных местах, прелестным личиком со столь искусно нанесённым

макияжем, что казалось, будто его и вовсе нет и вся эта красота возникла сама по себе, без какого-либо дополнительного вмешательства. Роскошные русые волосы были уложены так, чтобы кокетливо смотреться под пилоткой и без неё, но при этом не нарушать требования устава.

Тридцать парней пялились на поручика, не дыша и не мигая. В их число входил и я. Мы не просто смотрели, мы пожирали её глазами, впитывая каждую мелкую деталь, каждый сантиметр этого роскошного зрелища. На долю секунды мне даже стало тесно в рекрутском мундире.

– Вольно, – скомандовала красотка в офицерских погонах. – Садитесь. Приступим к занятию.

Глава 10

Как в случае с моим отцом, я заметил вокруг поручика странный прозрачный кокон, который переливался и искрился даже на свету. И это уже второй человек с подобным феноменом. Интересно, видят ли эту загадочную вещь мои сослуживцы?

Из осторожности я решил промолчать. Язык, он ведь не только до Киева довести может. Не хочу оказаться в местах, что гораздо хуже.

Логично предположить, что раз мой отец маг, и преподавательница нового предмета тоже наверняка из этих... чудесников, короче, я в силу неизвестных причин обладаю способностью лицезреть подобные вещи. Понятия не имею, хорошо это или плохо, так что буду просто относиться как к факту.

Отвлёкшись на собственные размышления, я едва не пропустил начало занятия, а оно оказалось на удивление эффективным – не менее чем внешность преподавательницы.

Девушка развела руки, и между ними зажглась настоящая электрическая дуга.

– Итак, господа рекруты, перед вами простая демонстрация того, что на обыденном языке принято называть магией, волшебством или чудесами... Хотя у науки есть довольно простое объяснение этому феномену. Магия – не более

чем воздействие особой силы, которая носит название «мана», на материю. Не хочу погружать вас в глубокие научные дебри, достаточно, чтобы вы помнили и знали: мана способна так влиять на всё, что нас окружает, потому, что является праматерией, из которой когда-то возник наш мир. Грубо говоря, это что-то вроде энергии, и эта энергия, в зависимости от того, как её используют, бывает созидательной или разрушительной.

И коль скоро мы заговорили об энергии, у маны тоже есть свой закон сохранения, причём весьма своеобразный. Если где-то убыло маны, значит, в другом месте прибыло материи. А вот обратные процессы, к сожалению, науке неизвестны. Несмотря на то что количество маны кажется фантастически большим, рано или поздно произойдёт неизбежное – она закончится, причём раз и навсегда.

Поручик свела руки вместе – дуга исчезла.

– Только что, благодаря моему действию, я приблизила магическую смерть Вселенной, – улыбнулась преподавательница.

Кажется, я понял, почему в моём мире волшебство осталось разве что в сказках: похоже, у нас запасы маны то ли были не особо большими, то ли совсем истощились, как только что сказала Шереметева. А те редчайшие индивидуумы, которые действительно есть, пользуются её жалкими остатками и потому толком никому не известны. Конечно, это всего-навсего теория, причём родившаяся в моей башке совер-

шенно стихийно. Как оно было на самом деле, знать не дано. Правда, конца света для нас не произошло. Нет магии – да и хрен с ней, плакать не станем.

Хотя... Я ведь сужу по меркам моего технократического мира. Быть может, для этих людей пропажа магии уже сама по себе является светопреставлением. Однако меня вот лишили магических способностей, и ничего, живу как-то, не больно-то и заморачиваюсь на эту тему. Спасает тот факт, что прежде у меня особых способностей, кроме папиной кредитки, не имелось. А с ней я когда-то творил та-а-акие чудеса... А сейчас ни папы, ни его кредитки нет. Всё прошло, как с белых яблонь дым.

– Надеюсь, господа рекруты, моя информация отложилась в ваших головах, – продолжила Шереметева. – Вы узнали, что такое магия и откуда она взялась. А теперь я спрошу у вас: кто может быть магом? Есть желающие ответить?

– Есть! – полузадушенно пискнул Кузя. Парень буквально раздевал поручика взглядом, да и не он один не мог отвести восхищённых глаз от её прелестей.

– Говорите, – благосклонно кивнула та.

Кузя подскочил и на одном духе выпалил:

– Магическими способностями обладают представители аристократических семей.

Я лишь присвистнул. Вот тебе и тормоз. Скорее медленный газ, который врубается при упоминании каких-то ключевых фраз. Сейчас Кузя не производил впечатления инфан-

тила, скорее походил на ботаника, вот только очки не прилагались: с дефектами зрения в батальон не брали. Надо будет к нему присмотреться на досуге. Парень, как оказывается, способен на сюрпризы.

– Отлично, рекрут, садитесь! – улыбнулась поручик. – Да, всё обстоит именно таким образом: только представители древнейших аристократических родов могут управлять маной, то есть быть магами. А самый главный и могущественный маг – государь император. – Шереметева повернулась в сторону портрета Николая III. – Благодаря мудрости его императорского величества положен конец распрям между древнейшими фамилиями. Исчезла смута, забыты дворцовые перевороты, прекратились великие войны между семействами. Теперь все представители благородных дворов служат на благо Родины – России, – торжественно изрекла поручик.

Вспомнив слова отца насчёт вражды Ланских с Голицыными и этими, как их... Остерманами, что ли, я несколько засомневался в искренности фраз госпожи Шереметевой. Что-то недоговаривает эта мадам или мадемуазель (обручального колечка на пальчике я что-то не заметил). Может, костёр больше не горит, но искорки-то явно остались.

В любой момент пламя разгорится само по себе или раздуют, если не свои кадры, так внешние. А что, у России врагов в любой период было по горло. Стоит, к примеру, вспомнить, сколько нам гадила пресловутая англичанка. Уверен, и

у этой России проблем с «партнёрами» предостаточно: стоит лишь отвернуться, обязательно какая-нибудь мразь вцепится.

– Конечно, маги есть не только в нашей стране, поэтому мы, как люди военные, обязаны знать, с чем можем столкнуться в случае какого-нибудь досадного инцидента, – продолжала Шереметева. – Как я уже говорила, магия, в зависимости от применения, может носить как созидательный, так и разрушительный характер. Конечно, ни один маг не сможет выстоять перед артобстрелом, особенно если это будет крупный калибр.

Взять, скажем, меня... В моих силах создать над нашим кабинетом защитный купол, способный секунд тридцать выдерживать прямые попадания вражеского огнестрельного оружия: от пуль до осколков гранат. Но увы, от артиллерийского снаряда я вас не смогу защитить. Более того, если противник откроет концентрированный огонь в одну точку, то пробьёт брешь в моём магическом куполе намного быстрее, чем тридцать секунд. Если перейду от пассивной обороны к атаке, смогу обезвредить часть противников, которые окажутся в поле зрения: к примеру, заморочу им головы. Однако от невидимого снайпера мне уже не укрыться, и он сделает меня на раз-два. – Она горько усмехнулась. – К тому же нельзя забывать об откате. Кто из вас знает, что такое откат? Ну, слушаю вас, рекруты...

Положим, у меня было знание об откатах моего мира, но

вряд ли то, о чём говорила сейчас поручик, имело отношение к коррупции. Так что я счёл за благо промолчать, а за всех снова отдувался на удивление резвый и расторопный Кузя.

– Откат – ухудшение физического состояния мага после того, как он применил магию.

– Ты меня просто радуешь, рекрут, – похвалила Шереметева, и уши Кузи приобрели пунцовый цвет. – Магам всегда приходится расплачиваться за работу с маной. Она черпается из наших внутренних запасов, и чем больше маны израсходовано телом, тем сильнее откат и хуже самочувствие. Умереть от этого, конечно, невозможно, но на какое-то время маг выбывает из строя, пока не найдёт источник маны и не напитается из него. Само собой, мана для нашей страны – такой же ценный природный ресурс, как нефть, газ, древесина или уголь. И, само собой, в мире хватает желающих сделать так, чтобы наши источники маны были, как они выражаются, «справедливо поделены между всеми государствами», – с презрением добавила поручик.

Я усмехнулся. До чего же знакомые речи. В моём прошлом мире тоже хватало недовольных, к примеру, тем, что Сибирь с её богатствами досталась России. Очевидно, нам снова повезло, но теперь не только с недрами Сибири. Представляю, как нас «любят» в других странах.

– Как ваша фамилия, рекрут? – обратилась Шереметева к Кузе.

– Кузьмин, ваше благородие, – отрапортовал тот.

– Подойдите поближе, рекрут, – приказала преподаватель. – Ну, не бойтесь, я вас не съем.

Она улыбнулась. Глядя на странное выражение её лица, в это не верилось. Что-то подозрительно плотоядное мелькнуло в её взгляде.

Судя по слегка испуганному Кузе, от него тоже это не укрылось. К поручику он шёл так, словно шагал на эшафот.

– Повернитесь лицом к классу, – велела Шереметева.

Рекрут крутанулся на каблуках и замер по стойке смирно.

– У нас сегодня вводный курс, поэтому я не буду посвящать вас в большое количество деталей. Наряду с боевым применением магии, есть и другое, тоже весьма прикладное. Сейчас вы в этом убедитесь.

Шереметева резким движением полоснула раскрытой пятернёй по щеке Кузи. Острые коготки прошли по его лицу, как рубанок, оставляя за собой полосы оторванной кожи и кровавые следы.

Кузя ойкнул от боли и неожиданности, потянулся к щеке.

– Терпеть, рекрут! – прикрикнула поручик. – Команды «вольно» не было. Вы будущий солдат и обязаны выдерживать боль куда худшую. – Она посмотрела в нашу сторону. – Что, рекруты, видели, какого красавца я сделала из Кузьмина?

Мы сидели молча, с удивлением разглядывая заплывавшее кровью лицо Кузи.

– Конечно, это пара пустяков, мелочь, и только... Поду-

маешь, царапина! В бою с вами может произойти нечто куда более опасное. Например, пуля угодит в сердце, оторвёт руку или ногу. Вам очень повезёт, если рядом с вами окажется маг, который умеет не только убивать, но и лечить.

Она снова поднесла наманикюренные пальчики к лицу Кузи. Тот невольно дёрнулся, попытался убрать голову как можно дальше. Но не успел. Шереметева коснулась его щеки, по ней побежали синие искорки – и через несколько мгновений кровавые царапины исчезли сами собой. Я не поверил своим глазам. Морда Кузьмина вернулась к первоначальному состоянию, будто и не было ничего.

Сам же виновник торжества стоял не мигая. Он, должно быть, вообще не понимал, что происходит и почему все так на него тарашатся – даже больше, чем на фигуристую преподавательницу.

– Садитесь, рекрут, – сказала она. – Сделать вас красивее мне, увы, не дано. Но отыграть всё назад в моих силах.

Кузьмин вернулся на место и сразу же потянулся рукой к щеке, пытаясь нащупать след от кровавой раны. Он явно не отошёл от недавнего шока.

Шереметева глянула на часы.

– Что ж, рекруты, на сегодня, пожалуй, достаточно. Занятие окончено.

Глава 11

– А я бы вдул этой сучке, – мечтательно произнёс Цыган, бросив окурок в урну.

Мысленно все с ним согласились. Заняться любовью с такой красоткой не отказался бы ни один из нас.

Мы стояли в курилке, обсуждая события этого дня. Безусловно, самым ярким было первое занятие с поручиком Шереметевой. И даже не потому, что та демонстрировала нам магию: парни из отделения успели уже насмотреться разных штучек-дрючек до того, как их призвали. Просто у нас каждое новое лицо, а особенно если оно женское и красивое, вызывало взрыв эмоций.

– Слышь, Лан, – обратился Цыган ко мне. – А ты в прошлом с Шереметевыми как, пересекался?

И что прикажете отвечать? Я ведь ни хрена не помню. Память настоящего владельца этого тела включается крайне редко, я пока не вычислил, по какому принципу, но уверен: должен быть некий триггер. Эх, найти бы его. Тогда многое стало бы легче и проще.

Я с каменной физиией пожал плечами:

– А хрен его знает. Может, где и виделись. Точно сказать не могу.

Что касается всего остального, сам бы с удовольствием по-валял эту красотку. И чем дольше служу, тем сильнее такие

желания. До поллюций не дошло, но я уже ничему не удивлюсь. Когда ты заперт в чисто мужском коллективе, мысли сами по себе сворачивают на тему половых отношений, пусть нас и дрючат, как сидоровых коз. Принцип «чем бы солдат ни занимался, лишь бы за...ся» родился не вчера, здесь его тоже знают и активно применяют.

Перекур быстро закончился, нас погнали на полосу препятствий. Обычно её преодолевают в полной боевой выкладке, с автоматами, но для рекрутов пока делают послабления. На нас только повседневная форма без отягощений. Да и автоматы, или как здесь говорят – штурмовые винтовки, мы пока видим только на плакатах, изучая матчасть. Стрелковой подготовкой всерьёз займутся ближе к экзаменам. Все с нетерпением ждут возможности вдоволь пострелять.

А вот полосу препятствий мы искренне ненавидим, и есть за что. Глубокая траншея. По команде Санникова выскакиваешь из неё, во всю дурь несёшься к деревянному забору. Перебираешься через него, ныряешь в проём разрушенной кирпичной стены. Длинный забор. Карабкаешься на второй этаж здания. Используя канат, перелетаешь через наполненную грязной жижей яму, оказываешься в колодце.

И снова траншея, но уже другая. Бежишь по ходу сообщения, прижав уши, как любит прикалываться наш ефрейтор. Скачешь как сайгак через широченный окоп.

Закидываешь кошку на вертикальную стенку и с её помощью оказываешься на той стороне. Перепрыгиваешь препят-

ствия поменьше, плюхаешься на пузо и по-пластунски ползёшь под колючкой, рискуя оставить на ней куски материи от штанов вместе с собственной кожей. Вскакиваешь, рысишь до сооружения, похожего на коллектор канализации. Выцарапываешь тяжеленную крышку колодца, спускаешься по скобам в вонючее подземелье, потом на поверхность...

И тут тебя встречает солдат из старослужащих. Вот уж мимо кого пройти не удаётся. Короткая схватка традиционно заканчивается победой старослужащего. На нас отработывается какой-нибудь приёмчик, после которого рекрут пропахивает носом землю и, встав на ноги, долго не может прийти в себя.

Солдаты чередуются. Для них это развлечение, потеха. К счастью, садисты нам не попадают. Ничего такого экстремального не происходит, но и хорошего в таком избиении младенцев тоже мало.

Страшно подумать, что на экзаменах будет уже не один встречающий, а сразу трое. И тогда драться придётся уже по-настоящему. Запрещены разве что грязные приёмчики вроде ударов в пах. Всё остальное дозволяется. Рекруту надо продержаться тридцать секунд. А это, поверьте, целая вечность.

Сегодня мне катастрофически не везёт: стоило только вылезти из канализации, как на пути оказывается двухметровый Лось. Процент девяносто бойцов в батальоне – парни среднего роста и не сказать, что совсем уж атлетического телосложения. Но встречаются и такие экземпляры. Обычно

их назначают унтерами.

У Лося лычки фельдфебеля. Он отслужил в батальоне три с половиной года и побывал в таких задницах, из которых выбрался благодаря исключительному везению. Его кулаки размером с мою голову, а вот сама башка кажется непропорционально маленькой по сравнению с широченными плечами. И точно такими же маленькими выглядят его глаза с выцветшими зрачками. Зато тело повсюду пузырится мышцами, и пресловутые анаболики и прочая фарма тут ни при чём. Природа щедро одарила его великанский организм.

Несмотря на воистину голиафские габариты, он на удивление ловкий и прыткий. Я лично не видел, но поговаривают, что Лось умудрялся ловить руками брошенный в него метательный нож. Его излюбленный приём, или «коронка» по солдатской терминологии – позволить рекруту вильнуть вправо или влево, а потом в самый последний момент ставить подсечку. Драться с ним в рукопашной – занятие безнадёжное с самого начала. Мы просто пигмеи в сравнении с ним, он способен раздавить нас одним пальцем как клопов.

Прошлая наша встреча закончилась тем, что я кубарем пролетел метра три, ткнулся мордой в землю и валялся в отключке несколько минут. До сих пор после воспоминаний об этом падении волосы на груди и спине встают дыбом.

Поскольку полосу полагается преодолевать поодиночке, надеяться на помощь сослуживцев бесполезно.

Вообще, Лось – мужик добрый. Он даже не ругается, да

собственно, ему и нужды в этом нет. Достаточно только посмотреть на него и сразу сделаешь нужные выводы. Однако в ситуациях вроде моей доброты от гиганта ждать нельзя. Он очень серьёзный и ответственный в таких вопросах.

В тот раз я вильнул вправо, отбежал метра на полтора. Но кто ж знал, что Лось дотянется до меня и на таком расстоянии? Вот сука... И что делать? И тут в голову пришла сумасшедшая мысль.

По какому-то наитию я вдруг понял, что это может сработать. Акробатические трюки не мой конёк, но от прежнего тела мне досталась хорошая растяжка. Я теперь был прямо как тот гуттаперчевый мальчик, а после драки с Цыганом внезапно физически окреп. Нет, медные пятаки руками не гнул, но внутри меня что-то словно сдвинулось с мёртвой точки.

Эх, была не была. Хоп! – тело подбросило вверх как катапультой. Больше всего я боялся, что слажаю, но этого не произошло. Я сделал что-то вроде кульбита, а оказавшись над Лосем, использовал его широкие плечи как точку опоры, оттолкнулся от них руками и оказался за его спиной. Крутанулся юлой и снова прыгнул на него, но на сей раз обеими ногами вперёд.

Противника снесло, будто взрывной волной. А я на секунду замер, не веря своим глазам. Твою мать! Скачу, словно какой-то Джон Картер, повелитель Барсума. Просто охренеть! Потом в мозгу щёлкнуло: ёперный певец, сейчас Лось

встанет, отряхнётся и устроит мне грандиозную трёпку. Какого, спрашивается, лешего торчу тут как три тополя на Плющихе?! Ноги в руки – и бегом к финишу.

Когда я пересёк заветную черту, первым, что бросилось мне в глаза, было ошарашенное выражение лица Санникова. Он даже на кнопку секундомера нажать позабыл.

– Ланской, сука, это что такое было?! – хлопая глазами, спросил ефрейтор.

– Не могу знать, господин ефрейтор, – рявкнул я.

– Ты... Ты... – Санников не находил слов. – Ты молодец! Самого Лося уделал... В жизни такого не видел. Мужикам расскажу – не поверят, решат, что заливаю. – Он покачал головой. – Ну Ланской, ну сука... Не ожидал такого.

В его устах наименование меня самкой собаки звучало чуть ли не высшей похвалой. Мне даже стало как-то неловко.

– Я с взводным поговорю, чтобы тебя отметили... В увал хочешь, рекрут? – неожиданно спросил Санников.

– Так вроде рекрутам увольнительная в город не полагается, – слегка опешил я.

– Некоторым в порядке поощрения полагается, – подмигнул пришедший в себя ефрейтор. – Ну так что, пойдёшь в увал?

– Так точно, пойду! – радостно воскликнул я.

Вроде в войсках всего ничего, но мне настолько обрыдла казарменная жизнь, что любой глоток свободы был мне за счастье. Тем более увольнительная в город, о которой мы да-

же не мечтали. Надо было совершить как минимум подвиг, чтобы оказаться за воротами части с увольнительной запиской в руках. Особенно если ты рекрут.

Нет, мы знали, конечно, что солдаты второго года службы раза два в месяц бывают в увольнительной, но когда ты служишь всего ничего, это казалось чем-то невозможным. Из ряда вон выдающимся, что ли.

Город... Люди... Много людей и новых лиц... Не казарменная обстановка... Яркие краски... Нормальная человеческая речь, а не мат-перемат и приказы.

– Господин ефрейтор, а кого я должен убить для этого? – улыбнулся я, надеясь, что Санников оценит мою шутку.

– Здравия желаю, господин штабс-капитан. Поручик Шереметева прибыла по вашему приказанию.

Красотка в мундире замерла в дверях кабинета Голикова.

– Здравствуйте, поручик. Кофе будете?

– Не откажусь, господин штабс-капитан.

Особист махнул рукой:

– Давайте пока без чинов, Василиса Петровна.

– Как прикажете, Виктор Семёнович.

– Да так и прикажу. Вы присаживайтесь, – Голиков показал на один из стульев. – Вам кофе как, со сливками или без?

– Со сливками, пожалуйста.

– Отлично. Тогда я за вами поухаживаю.

Штабс-капитан налил из термоса кофе – аромат напитка приятно защекотал ноздри. Шереметева зажмурила глаза от

удовольствия.

– Пахнет божественно!

– Привёз из последней командировки, – пояснил Голиков. – У нас такой днём с огнём не отыщешь.

Плеснул в чашечку немного сливок и поставил перед собеседницей.

– Вот, угощайтесь. Гарантирую ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Я уже догадалась.

– Сахар будете?

– Спасибо, нет. Я пью кофе без сахара.

– Правильно. Зачем портить вкус напитка?

Допив чашку, Шереметева отставила её от себя.

– Виктор Семёнович, вы ведь меня к себе вызвали не ради того, чтобы кофе угостить?

– Не вызвал, а попросил зайти, – улыбнулся особист.

– Хорошо, попросили зайти, – покладисто согласилась поручик. – И всё же?

– Вы правы, Василиса Петровна. Не только ради кофе. Меня очень интересует рекрут Ланской, и я хотел посоветоваться с вами, как с преподавателем очень важного и специфического предмета.

– Не понимаю, что вас волнует, Виктор Семёнович. Мы оба прекрасно знаем, кто такой Ланской и что с ним сделали.

– Знаете, Василиса Петровна, в свете ряда событий у меня невольно возникли некоторые сомнения...

– Какие, например? – Шереметева внимательно посмотрела на собеседника.

– Обряд шельмования... Был ли он проведён правильно и в полном объёме?

– Виктор Семёнович! – усмехнулась девушка.

Голиков покачал головой.

– Знаю-знаю, Василиса Петровна, и всё-таки?

– Насколько мне известно, ещё ни разу за всю историю обрядов не было ни одного сбоя. Все, с кем производили этот обряд, теряли магию навсегда. А этот Ланской... Разве с ним что-то не так? Я видела его на занятиях. Поверьте, он не производит впечатления мага.

– Другими словами, мне, как особисту, опасаться нечего?

– Так и есть, Виктор Семёнович. Нечего.

Голиков кивнул.

– Ладно. Будем считать, что вы меня успокоили, Василиса Петровна. Однако... просто ради подстраховки... могу я попросить вас хорошенько присмотреться к рекруту Ланскому? Хотя бы из благодарности за этот кофе, – улыбнулся особист.

– Кофе просто бесподобен, – улыбкой на улыбку ответила поручик. – Чувствую себя в долгу перед вами. Я обязательно выполню вашу просьбу, Виктор Семёнович.

– Замечательно, – с видимым облегчением произнёс особист. – Ещё по одной? Кстати, могу плеснуть немного коньячку... И тоже из моих личных запасов. Такого вы тоже

нигде не купите.

Глава 12

– У солдата выходной, пуговицы в ряд, – напевал я одну из любимых песен отца. – Часовые на посту родины стоят...

Папа часто принимал душ, мурлыкая себе под нос этот мотив, или громко-громко пел, когда брился, под аккомпанемент жужжащей электробритвы. Вокальные данные у него были, мягко говоря, так себе: фальшивил безбожно. Мама в такие минуты морщилась и затыкала уши.

– Душераздирающее зрелище! – почему-то говорила она. Мне, когда я был маленьким, папино пение нравилось. Потом, конечно, стало доставать. Тогда я запирался в своей комнате и надевал наушники. Врубал то, что было у меня в плейлисте, а вкусы у меня порой менялись на диаметрально противоположные: от гитарных запилов «Металлики» до слащавого итало-диско восьмидесятых.

Господи, как много бы я отдал, чтобы снова увидеть отца и услышать, как он поёт! Только потеряв его, я понял, что он был лучшим папой на свете. И вот сама собой в голове всплыла эта песня. Я не смог удержаться и в меру своих возможностей исполнил из неё куплет и припев вслух. Думал, меня никто не слышит...

Ха! Детка, это же армия! Разумеется, рядом оказался один из моих командиров. В данном случае ефрейтор Санников. Между нами в последние дни установились странные отно-

шения, чем-то напоминающие дружбу. Во всяком случае, он меня выделял и старался помочь. А я... Я делал всё, чтобы оправдать это хрупкое доверие, пусть не всегда и не всё у меня получалось.

И вот ефрейтор оказался у меня за спиной, когда я вполголоса пропел её.

– А ну, погоди, – внезапно произнёс Санников. – Можешь повторить?

Я выполнил этот приказ-просьбу. Он слушал не перебивая. В его глазах появился острый интерес.

– Что за тема? Почему раньше не слышал? – спросил ефрейтор.

Я пожал плечами. Всё равно правду говорить не имело смысла, а толково соврать я бы не сумел. Так что импровизировал на ходу:

– Понятия не имею, господин ефрейтор. Просто привязалась, а когда успел подхватить и при каких обстоятельствах, не помню. Должно быть, по «ящику» услышал.

Кажется, я был достаточно убедителен. Санников кивнул.

– Хорошая песня, солдатская. И тем более подходящая к моменту. Дашь слова списать, рекрут?

– Так точно. Я только всё не помню, но постараюсь, что в голове осталось, накидать на бумаге.

Само собой, «товарищ старшина» в тексте не проканает. Могут не понять. Значит, заменю на что-то другое, да простит меня безвестный мне автор.

– Отлично! Эх, чует моё сердце, выйдет из тебя шаристый боец! Не зря в город сегодня с тобой поедем, – расчувствовался Санников.

– Очень надеюсь, господин ефрейтор, – сказал я.

Настроение у меня было самое замечательное. Давненько мне не было так хорошо, а жизненные перспективы не казались такими завлекательными. А всё по той простой причине, что после моего «подвига» на полосе препятствий, когда я реально сделал самого Лося, Санников обещал пробить мне увольнение в город.

Каюсь, тогда я не очень поверил в его слова. Это выглядело чересчур фантастически, что ли. Но вот пришёл конец очередной недели, и выяснилось: ефрейтор не обманул, правдами и неправдами выбил для меня увольнительную в город. Правда, сам же пострадал от этого: взводный приказал, чтобы я следовал везде за Санниковым, как ниточка за иголкой. Разумеется, такой головняк был ефрейтору ни к чему, но он быстро смирился. Даже стал получать определённое удовольствие. Чую, что в нём пропадала преподавательская жилка.

Чудо произошло! Нагрудный карман приятно согревала увольнительная записка с печатью части и подписью командира взвода. Меня отпустили в город с четырнадцати часов воскресенья до восьми часов утра понедельника. Мои эмоции не поддавались описанию. Да на свете просто не придумали таких слов, которые могли бы хоть на одну десятую

часть передать, что я сейчас испытывал. Экстаз, опьянение, погружение в нирвану...

– Ну, Ланской, ну ты чел! Охренеть просто. Поверить не могу, что будешь почти целые сутки свободен, как сопля в полёте, – с завистью протянул Цыган, когда узнал о привалившем мне счастье, на что я легкомысленно ответил:

– Ты, Цыганок, не грузись. Все там будем!

– Щаз, – хмыкнул он. – Нас после того, что ты на полосе натворил, дрючить в три раза сильнее стали.

Так и есть, теперь в конце полосы препятствий рекрута встречали уже двое солдат, и мне больше не удалось повторить своё достижение. Правда, не скажу, что сильно горевал от этого. Сам Лось потом приходил, с интересом рассматривал меня и даже пожал руку.

А сейчас мысли уносили меня далеко-далеко, в счастливую страну почти гражданской жизни. Получить увольнительную записку – это половина дела. Другая, не менее важная половина – действительно уйти в увал, как мы называли этот короткий миг между прошлым и будущим. И для нас он был слаще мёда и мягче пуховой перины.

Рекрутам парадка, то бишь парадная форма, не полагалась, поэтому я ещё с вечера пятницы чистил и приводил в порядок повседневу. Кажется, на ней больше не было ни пятнышка, пуговицы сияли, как у кота яйца, а сапоги начищены до зеркального блеска, однако фельдфебель Белов критически осматривал меня чуть ли не полчаса, а потом я

в три раза дольше устранял выявленные замечания.

Наконец Белов остался доволен моим внешним видом и перешёл к инструктажу. Если выкинуть из него всю обсценную лексику, получалось примерно следующее. Если я не хочу, чтобы меня зверски сношали каждый день особо извращёнными способами, то просто обязан быть как штык к положенному времени.

Ни в коем случае нельзя попадаться на глаза военному патрулю, ибо кто бы в нём ни нёс дежурство (кроме нашего брата из батальона особого назначения), любая встреча закончится тем, что мне влепят замечание: либо воинское приветствие не так отдал, либо не вовремя на строевой шаг перешёл, либо эмблема пришита на микрон выше-ниже уставного. Замечание влекло за собой последствия в виде гауптвахты, то бишь конкретный «залёт», а залётчикам традиционно потом прилетало и от отцов-командиров.

Само собой, особенно не рекомендовалось соваться в места, где может оказаться военная полиция или юнкера из Высшего Императорского воинского пехотного училища имени генерала от инфантерии Скобелева. Между солдатами батальона и юнкерами существовала давняя и лютая вражда, уходящая корнями чуть ли не в древние века. Правда, юнкера предпочитали фланировать по центру города, а наши всё больше по окраинам, где и народ попроще, и цены пониже.

Само собой, строго-настрого запрещалось употреблять

горячительные напитки и тем более проносить их в расположение части. Тут царствовал сухой закон.

После напутствий Белова я вернулся под крыло Санникова. Тот практически слово в слово повторил расклад, который мне только что лил в уши фельдфебель. Но я набрался наглости и осмелился задать ефрейтору вопрос:

– Господин ефрейтор, если в городе столько потенциальных неприятностей только потому, что мы служим в батальоне особого назначения, почему бы нам для увольнения не переодеться в штатское? По-моему, довольно логично и позволит избежать кучи проблем.

Глаза Санникова чуть не вылезли из орбит.

– Рекрут Ланской, ты что, охренел?! Когда вернёмся из увольнительной, напомни, чтобы я дал тебе почитать методичку о чести мундира. Ни один солдат батальона никогда не наденет на себя штатские шмотки, если это не потребуется для выполнения боевой задачи. Это всё равно, что опозорить честь нашего подразделения, про...ть знамя части! – Он буквально кипел от праведного гнева.

Я пожалел, что вовремя не прикусил язык. Парни из моего прошлого, которым довелось тянуть солдатскую ляжку, часто рассказывали, что для увалов и самоходов (то есть самоволок) в каждой казарме всегда имелась надёжная нычка с гражданкой. От греха подальше они специально передевались в штатское, чтобы не привлекать к себе ненужное внимание того же патруля. А здесь это равносильно тяжелей-

шему воинскому преступлению. Просто удивительно, но по-своему здорово. Реально проникаешься командным духом по самое не хочу.

Следующей проблемой стали деньги. Нет, проезд до города и по городу для солдат был бесплатным, но видами из окна автобуса и вольным воздухом улиц сыт не будешь. За время учебки у меня развился такой аппетит, что столовский хавчик уминался за считанные секунды, ещё и добавки хотелось. По-моему, я был готов жрать круглосуточно.

Рекрутам полагалось небольшое жалованье, оно существенно возросло после выпуска в солдаты. Мне даже выдали денег авансом, но когда Санников увидел, как я морщу лоб, пересчитывая тяжеленные рубли с имперскими орлами и не менее тяжёлые копейки, он не сумел сдержать усмешки.

– Сколько вышло?

– Три двадцать, господин ефрейтор, – доложил я.

– С таким баблом тебе только забуриться в киношку, съесть пироженку да выпить стакан газировки с сиропом, – ухмыльнулся он.

Я вздохнул. Догадывался, что денег мало, но даже не подозревал насколько. А ведь мне ещё предстояло где-то найти ночлег. Вариант с вокзалами и парками отпадал с ходу: там традиционно паслись патрули или военные полицейские – даже не знаю, что хуже.

Но не стану же я из-за материальных проблем упускать манящую возможность оказаться за забором части! Да если

бы мне сейчас предложили тысячу рублей – да хоть сто тысяч! – за то, чтобы я остался здесь, вместо того чтобы пойти в увольнительную, я бы рассмеялся в лицо тому, кто такое предложил. Хренушки!

– Не вешай нос, рекрут! – весёлым тоном произнёс Санников. – Раз меня назначили твоим шефом, выручу. Так и быть, пользуйся моим добрым расположением – угощаю!

– Я отдам при первой возможности, господин ефрейтор! – пообещал я. – Честное слово!

– Разберёмся, – отмахнулся он от моих слов. – План мероприятий такой: садимся на автобус, приезжаем в город. Там забуриваемся в кабак «Камуфляж», его держит один из бывших наших. Кормят хорошо и вкусно, да ещё и со скидкой для солдат из батальона. Это пункт нашей повестки номер один. После того, как пожрём, пункт номер два. Ты бабу хочешь?

– В смысле? – ошарашенно спросил я.

– В прямом. Я ж понимаю, что у тебя тёлочка давно не было, и всё поди зудит аж до скрежета, – подмигнул он.

– Есть такое, – признался я.

Ну да, с момента переноса в этот мир женским полом я был... ну как бы сказать помягче... не обласкан, короче. А уроки поручика Шереметевой только распалили моё воображение. Так что глупо было врать, тем паче непосредственному начальству.

– Вот-вот. Бабу хочется так, что мочи нет. Поэтому под

номером два визит в другое хорошее место. Называется «Мадам Коко». Название, может, и французское, но шлюхи там работают наши, местные. Парочка так даже ничё так. Надеюсь, они будут свободны. Или ты по старой аристократической привычке станешь воротить нос? – Он посмотрел на меня с усмешкой.

Аристократическая привычка... Знать бы ещё, что это такое! В моём прошлом были не только романтические свидания под луной, но и вполне обыденные randevu с девочками по вызову. И не вижу в этом ничего предосудительного. Иногда приходилось прибегать и к такому способу снять напряжение, пусть моралисты теперь закидывают меня камнями.

Конечно, папин кошелёк позволял выбирать девиц с вполне модельными параметрами и внешностью, но когда это было... И вряд ли уже вернётся. Ведь я попал так попал! А после нескольких недель определённого голода, я был готов наброситься даже... Ну, пока не могу точно сказать, на кого, однако планка моих вожделений теперь куда ниже прежней.

– Не стану я ничего воротить, – с обидой ответил я.

– Молодец, Ланской! – одобрительно хлопнул ладонью по моему плечу Санников. – Вижу в тебе настоящего солдата! – Он склонился над моим ухом и доверительно прошептал: – Только не вздумай там забухать. У них на бухло такие расценки – до конца службы потом не рассчитаешься. Да и отравиться можно. Но ты не расстраивайся. Нам в «Камуфляже» нальют по сто грамм. Тебе, думаю, хватит. В борделе же, ду-

маю, и заночуем. Там всегда есть свободная комнатка. Я побазарю с «мамкой», и нас пустят. Будет дешевле, чем в гостинице.

Об этих «ста граммах» я даже не думал, но после услышанного ощутил, что жизнь вроде как налаживается. Эх, до чего ж, оказывается, мало надо человеку для полного счастья! Не попал бы в армию, так и не узнал бы.

– Всё, готовься, Ланской. Я найду за тобой через полчаса. Как раз успеем к автобусу. Главное, за это время не попадись начальству на глаза, а то обязательно припашет к чему-нибудь, и всё, плакало твоё увольнение! – резюмировал он, перед тем как отправиться по своим делам.

В его словах чувствовался огромный опыт старослужащего, который на таких вещах съел не одну собаку. Я обещал, что забьюсь на эти полчаса в такую нору, где меня с собаками не найдут, и не буду отсвечивать, пока ефрейтор не замажет на горизонте.

Время двигалось со скоростью беременной улитки. Казалось, что прошла целая вечность. Но всё, что должно случиться, произошло. Санников зашёл за мной и повёл к автобусной остановке.

Мы миновали КПП под завистливые взгляды дежурившего наряда, подошли к самой обычной, закатанной в асфальт площадке у дороги, где даже не было обычного навеса против дождя. Очевидно, в таких ситуациях пассажиры были предоставлены самим себе.

Кроме нас, на остановке больше никого не было. Остальные солдаты уехали в увольнение гораздо раньше, а офицеры обычно ездили на личных автомобилях или вызывали такси. Передвигаться в общественном транспорте им запрещали правила, которые на самом деле не были вписаны ни в один устав. Но офицерская честь – это вам не кот нассал.

Немного погодя в отдалении послышался рёв мотора. Я присмотрелся и увидел цветную точку, которая постепенно приближалась, увеличиваясь в размерах с каждой секундой.

Сердце радостно ёкнуло. Чем ближе автобус, тем скорее начнётся моё первое увольнение. Нет, сука! Не так! Моё Первое Грёбаное Увольнение!

Это был пассажирский автобус, чем-то похожий на советский ЛАЗ из папиного детства, с характерным полусферическим задом. Отец специально показывал мне такой автобус в музее ретротехники. Говорил, что это был один из самых комфортабельных транспортов того времени. Многие любили садиться в конце автобуса, особенно зимой, ибо сиденья там нагревались не хуже деревенской печи.

Иногда на отца находили приступы ностальгии, и он таскал меня по местам «боевой славы» своего детства. Так что про восьмидесятые, а тем более девяностые я волей-неволей знал куда больше моих сверстников.

У этого автобуса впереди висела эмблема в виде всё того же имперского герба. Бока, словно у зебры, были покрашены в несколько разноцветных полос. К лобовому стеклу

прилеплена табличка-аншлаг: «Череповец – Тоншалово».

Ну да, теперь я знал, что город носит странное название – Череповец, только не понимал, что такого сотворила несчастная овечка, коль её череп дал имя этому населённому пункту. Что касается Тоншалово, это был небольшой посёлок неподалёку от части. Некоторые офицеры жили там, хотя большинство имели городские квартиры.

Автобус подкатил к остановке, чихнул, обдав нас копотью, и остановился. Зашипела пневматика, дверь распахнулась, обнажая ряд потёртых ступенек, ведущих в салон, полный мягких кресел с белыми чехлами на спинках.

Они манили меня к себе, приковывали взгляд. Неужели я сейчас сяду в нормальный гражданский автобус... Да, это не подаренный отцом внедорожник, но и не зелёный армейский грузовик с жёсткими лавками, в кузове которого мне часто довелось кататься в последние дни.

– Карета подана, – сказал Санников. – Залезай, рекрут. Нас ждут великие дела.

С мыслями об этих самых «великих делах» – нажраться, остограммиться, по... короче, провести время в приятном женском обществе – я полез внутрь подкатившего к нам средства передвижения.

Глава 13

По праву старшего Санников сел у окна, я примостился рядом. Дверца захлопнулась, автобус тронулся и стал медленно набирать скорость. Ещё немного, и мы выехали на трассу.

Потянулся родной и до боли привычный пейзаж: осинки, берёзки... Но кое-что сразу бросилось в глаза, такое я прежде встречал только в Белоруссии: трава практически всюду тщательно выкошена, никаких тебе диких зарослей и тем более расплодившегося в моём мире борщевика. Эта ухоженность радовала глаз. Ровные засеянные поля, работающая вдалеке техника – похоже, сельское хозяйство не брошено на произвол судьбы. Дорогу пока разглядеть не удалось, но, судя по плавному ходу автобуса, почти автобан.

Меня распирало любопытство и желание понять, насколько же различаются наши миры. Из окон казармы и тем более тюремных решёток вид открывался специфический, навевающий уныние, а тут практически свобода – делай, что хочешь...

Я вертел головой, то посматривая в боковое окно, то, слегка отодвинувшись влево, в лобовое. Нас не обгоняли, а вот навстречу то и дело проносились автомобили: длинные фуры, в большинстве своём с тягачами-капотниками, юркие аналоги «газелей» с тентованными кузовами, масса легко-

вых. Похоже, в моде кузов типа седан: за всё время не увидел ни универсалов, ни хетчбэков. На радиаторных решётках красовались эмблемы незнакомых марок, разве что один раз глаз зацепился за характерный мерседесовский «руль» – возникло чувство, словно вижу старого друга.

Почти все легковушки впечатляли размерами. Такое чувство, что их «покушали» американские дизайнеры: ничего похожего на европейские малолитражки не попадалось, сплошные монстры с тремя местами впереди. Должно быть, эти «трактора» жрут туеву хучу бензина: мне пока не доводилось слышать о каких-то прорывных технологиях нового мира в плане автомобильного топлива. Всё те же привычные уху бензин да соляра. Газ не в ходу, про гибриды никто не говорил, как и про электромобили.

Многие легковушки напоминали обликом хищных птиц: такие же обтекаемые и стремительные. Видимо, перед массовым запуском кузова уже вовсю продували в аэродинамических трубах: никаких тебе квадратов и прямых углов, всё закруглено и сглажено. Но и каплевидных извращений тоже не наблюдалось.

Мелькнула дорожная отворотка: в километре отсюда аэропорт, я успел разглядеть сигарообразный силуэт небольшого лайнера, выкрашенного в бело-сине-красную ливрею – привычный российский триколор. Здесь он считался торговым и использовался частными лицами; все государственные учреждения использовали официальную символику до-

ма Романовых – чёрно-жёлтобелый флаг с имперским орлом.

Наверное, это здорово – улететь куда-нибудь на пассажирском самолёте. Только мне такое счастье светит лет через пять, и то если выживу. Но... меня учили находить удовольствие и в маленьких радостях. Например, в такой, как увольнение, которое только-только началось. А о том, что оно всё равно закончится, я не хотел думать.

Появился огромный, вылитый в бетоне знак с гербом и надписью большими буквами «Череповец». Подъезжаем к черте города, скоро выходить.

Действительно, автобус въехал на широкую, шестиполосную (по три в каждую сторону) рокаду, где-то под ней мелькнули железнодорожные пути. На перекрёстке свернул направо, покатил мимо трёхэтажных оштукатуренных домов с застеклёнными балкончиками, подъехал к чему-то вроде парка, засаженного густо растущими деревьями и кустарниками. По дорожкам прохаживались люди, а где-то в глубине виднелось что-то вроде бронзового памятника, но мне отсюда было не разглядеть какого.

Ещё один правый поворот, и автобус остановился.

– Конечная остановка, – объявил шофёр.

Двери распахнулись. Мы вышли на улицу, щурясь от стоящего высоко в небе солнца. Погодка была просто замечательная, и от этого на душе становилось ещё веселей.

Мимо прошли две аппетитного вида девчонки в коротких,

почти невесомых платящих. Я проводил их восхищённым взглядом. Эх, не зря говорят, что самые красивые женщины живут в России!

– Хватит пускать слюни, Ланской, – хмыкнул мой компаньон. – Это дело отложим на потом. Сначала надо пожрать.

Как и во многих провинциальных городах, железнодорожный и авто- вокзалы располагались вблизи друг друга. Их разделяла маленькая, покрытая плиткой площадь.

От обилия ходивших не строем людей в гражданском, гудков составов, автомобильных клаксонов и прочих признаков мирной жизни голова шла кругом. Я даже слегка растерялся, но Санников толкнул меня плечом и быстро привёл в чувство.

Мы перешли к остановке городского транспорта, чтобы сесть на нужный автобус. Отсюда открывался хороший вид на оба вокзала. Железнодорожный впечатлял своей фундаментальностью, он явно строился лет сто назад и полностью соответствовал классическим архитектурным канонам тех лет: башни, лепнина на фасаде; не хватало разве что античных колонн у входа. Автовокзал являлся прямой противоположностью: прямоугольный, непритязательный, выстроенный в угоду утилитарности, а не красоте. Всё было подчинено только основной функции вокзала.

Подкатил маленький «бусик», что-то вроде маршрутки. Практически все пассажиры покинули салон.

– Полезай, это «четвёрка», наш маршрут, – сказал Санни-

ков. – Едем на нём без пересадок.

Минут через пятнадцать мы покинули тряское чрево автобуса.

– Ты, главное, по сторонам посматривай, – сразу предупредил ефрейтор. – Не приведи господь, на патруль нарвёмся – считай, увольнение закончилось.

– Есть посматривать, – рапортовал я, хотя не мог дать гарантии.

Зрение упорно не желало концентрироваться, я всё ещё находился под впечатлением от контраста с серой армейской действительностью. Здесь было слишком много интересного и притягательного, а яркие краски вывесок и витрин, не говоря о женских нарядах, мешали сосредоточиться. А ведь ещё недавно я бы лениво мазнул взглядом и прошёл мимо без всяких мыслей. Как мало, оказывается, нужно, чтобы твои чувства стали такими обострёнными. Достаточно посидеть в тюрьме, а потом попасть в армию на здешний курс молодого бойца.

Я настолько обалдел, что чуть было не вылез с тротуара на дорогу на красный свет, почти под колёса проезжавших автомобилей.

– Ланской, дери тебя за ноги! Ты у меня больше света белого не увидишь, я тебя в казарме сгною! – зашипел на меня Санников.

– Виноват, исправлюсь! – пообещал я.

Кафе «Камуфляж», куда меня вёл ефрейтор, размещалось

в полуподвальном помещении. Мы прямо с улицы спустились в него и толкнули входную дверь. Играла тихая музыка, лилась незнакомая инструментальная мелодия. Народа было немного, почти все столики пустовали.

Чувствовалось, что хозяин заведения – большой фанат армии. Весь дизайн помещения был выполнен в защитных тонах: барная стойка, занавески, сукно, которым были обиты диванчики. Даже на официантке был камуфлированный передник, а причёска напоминала уставную.

Санников кивнул ей как старой знакомой.

– Здравствуйте. Я вас провожу к столику, – сказала она.

Навскидку ей было лет двадцать пять – тридцать. Не знаю, какими глазами я бы смотрел на неё ещё пару месяцев назад, но сейчас она была для меня круче любой фотомодели.

– Челюсть подбери, – не вовремя подстебнул меня ефрейтор. Он словно читал мои мысли.

Мы сели за столик, официантка принесла два меню в армейских кожаных планшетах. Прежде чем отойти, лукаво мне подмигнула. У меня после этого чуть температура не подскочила. Я поскорее уткнулся в меню, пока не натворил чего-то предосудительного.

– А это комплимент от нашего повара, господа военные... – Официантка поставила перед нами две стопки, наполненные прозрачной жидкостью.

– С-спасибо, – прошелестел я губами и машинально опрокинул содержимое стопки в рот.

Желудок обожгло. Кажется, это тело не знало алкоголя и потому болезненно на него реагировало. Мои глаза наполнились слезами.

– Зря ты так сразу махнул, это же разведённый спирт. Надо было сначала перекусить чего-нибудь, – покачал головой Санников. – Эх, молодёжь, всему вас учить надо, даже элементарным вещам. Спирт и тот пить не умеете.

– Воды? – участливо спросила официантка.

– Не надо, – прохрипел я. Мне очень хотелось казаться мужественным, брутальным по самое не хочу.

– Как скажете. Позовите, когда будете делать заказ. – Она отошла, виляя бёдрами.

Кафе специализировалось на традиционной русской кухне. Щи, борщи, расстегаи, вообще куча всяких пирогов... Много блюд, названия которых мне ничего не говорили.

Я бы сожрал это всё. Однако я помнил, что денег у меня практически нет, за всё собирался платить Санников, а загоняться в долги, причём не зная, когда сможешь отдать, мягко говоря, не комильфо. Так что мой выбор был весьма скромнен. Я ориентировался скорее на цену, чем на вкус, выбрав самые дешёвые блюда.

Заказ принесли быстро. Капустные щи прежде казались мне какой-то перепаренной кислятиной, я понятия не имел, почему они так нравились моим бабушке и дедушке. А стояло глубокой тарелке, налитой до краёв, оказаться у меня перед носом, как я умял всё это дело за милую душу. Точно так

же со сверхсветовой скоростью исчезли в желудке макароны по-флотски. Вроде только что стояли передо мной и вдруг хоба – и нет!

Зато иван-чай с капустным пирогом я уже пил медленно, растягивая удовольствие и смакуя каждый откушенный кусок. Это было действительно райское наслаждение, и куда там до него всяким «Баунти».

Только один по-настоящему сытый солдат может понять счастье другого. Впервые за эти дни я наелся до отвала, даже пришлось ослабить ремешок на брюках. Санников от меня не отставал. Он тоже по-солдатски быстро расправился с первым, вторым и третьим.

Само собой, после столь плотного обеда резко напала сонливость: недосып – вечный спутник любого военного. Но было жаль тратить драгоценные часы и минуты увольнения на сон, тем более следующий этап «культурной программы» включал в себя визит в бордель. А это меня волновало ещё сильнее, чем еда. Я, конечно, опасался «намотать» чего-нибудь на свой «винт»: хрен его знает, какие тут свирепствуют болячки, кроме венерических... Да и лечатся ли они вообще?

Предварительно у Цыгана я выяснил, что ничего такого подхватить в городском «лупанарии» мне не грозит. Девочек тщательно осматривают, они регулярно сдают анализы и проходят всяческие медкомиссии. И вообще, отношение к этой индустрии довольно серьёзное, почти как к космонав-

тике моего мира.

– Расслабься и получай удовольствие, – так напутствовал меня Цыган перед увольнением.

Я всё-таки был человеком мнительным, однако сейчас эта своеобразная опасность скорее распалая моё желание, чем отпугивала.

– Пора и честь знать! – сказал Санников. Он подозвал официантку, расплатился с ней по счёту и дал хорошие чаевые.

Когда я выходил из кафе, то невольно повернулся, ощутив на спине чужой взгляд. И не ошибся: это официантка по-прежнему разглядывала меня с каким-то странным интересом, но я не мог понять, с каким именно. Было в нём что-то нехорошее, вивисекторское.

Довольные, как коты, обожравшиеся сметаной, мы потопали к следующему пункту назначения. Снова залезли в такой же «бусик», вернулись на несколько остановок назад и вышли возле небольшого бульвара. Пешком отмахали пару кварталов.

– Далеко ещё идти, господин ефрейтор? – спросил я.

– Видишь вон то здание с розовой вывеской? – показал мне Санников.

– Так точно, вижу.

– Нам туда, – сказал он. – Даже не сомневайся, тебе там понравится.

– А я и не сомневаюсь.

Мой рот сам по себе растянулся в улыбке. И так же самопроизвольно улыбка стёрлась с моего лица. Из борделя навстречу нам высыпала толпа молодцеватых парней в военной форме. И, судя по погонам, это были юнкера. А что хуже всего, они тоже нас заметили.

Глава 14

У меня из головы сразу выветрились остатки хмеля. Не будь рядом Санникова, я бы развернулся, чтобы позорно измотать противника бегом. Их человек десять-двенадцать, а нас двое. Против такой оравы можно выстоять только в американских или гонконгских боевиках. В реальной жизни драка заканчивается быстро и прозаично.

– Господин еф... – взволнованно заговорил я, но спутник меня прервал:

– Не ссы, рекрут. И не вздумай бежать: потом лучше в часть не возвращаться, позора не оберёмся.

– Есть не ссать, – вздохнул я, всеми фибрами души чуя, что вот он, песец котёнку, а вернее, сразу двум котам в форме.

Юнкера знали, что мы не дёрнемся, не смажем пятки салом, а потому надвигались на нас медленно и неумолимо, словно грозовая туча. Ещё немного, и тверди небесные разверзнутся...

Физически крепкие парни, с развитыми грудными клетками, уверенные в себе, успокоенные численным превосходством. Да они уже предвкушали скорую потеху. У многих на лицах появились кривые ухмылки, не предвещавшие ничего хорошего. Они подступали к нам полукругом.

– Идём, – приказал Санников.

Мы двинулись навстречу, одинокие, как парус в океане. Дураку ясно: краями не разойтись. Ещё несколько шагов, и мы схлестнёмся.

Дорогу преградил высокий блондин с прямоугольным волевым подбородком. Его могучая фигура говорила о том, что юнкер всё свободное время проводил в тренажёрке. Наверняка ещё и жрал спортпит вёдрами: даже через парадку чувствовалась гипертрофированная переразвитость его мышц. При каче в натуралку таких результатов не добиться, хоть умри на тренажёрах.

Говорят, большой шкаф громко падает. Чтобы уронить этот «шкаф», понадобился бы бульдозер.

Мужественное лицо блондина портили слишком узкие глазки, похожие на две щёлочки. Будь у него широкие скулы, я бы подумал, что он азиатских корней, но нет, во всём остальном – типичный европеоид. Сильный, самоуверенный, не привыкший получать сдачи. Почему-то не сомневаюсь, что остальные юнкера в его взводе порой стонут от выходов блондинчика, потому что во взгляде здоровяка откровенно читались явные садистские наклонности. Такие в детстве любят мучить животных, а потом, в более взрослом возрасте, начинают издеваться над людьми.

Санников оказался ниже блондина на полголовы.

– Дай пройти, – сквозь зубы процедил ефрейтор.

Здоровяк ухмыльнулся. Его ноздри хищно раздувались в предвкушении хорошей драчки.

– Да ты совсем берега попутал, чмошник! – заговорил он, явно играя на публику. – Вам, обезьянкам, вообще не полагается покидать пределы казармы. Какого хрена в город припёрлись?!

– Тебя не спросили, урод! – спокойно ответил ефрейтор.

Сейчас я восхищался его мужественностью. Большинство из тех, кого я знаю, предпочли бы заткнуться и не выказывать гонор.

– Значит, ты, чмо зелёное, осмелился назвать меня, будущего офицера, уродом?! Да я тебя, суку, под асфальт закатаю!

Блондин угрожающе замахнулся огромным, как пудовая гиря, кулаком. Его ручища представлялась мне сваей, способной вбить по уши в землю любого из тех, кому не повезло оказаться на пути здоровяка. Но его же громадные размеры сыграли с ним злую шутку. Будь он чуточку быстрее, его кулак превратил бы Санникова в кучку сплющенного дерьма. Однако перетренированное тело не могло выдержать нужный темп.

Здоровяк уже опоздал, когда только лишь замахнулся. Ефрейтор ударил на опережение. Бил, словно молния: быстро, сильно и резко. Никакие кубики – а в данном случае плиты – пресса, не могли устоять. Они были просто бесполезны. Здоровяк не успел понять, что с ним произошло, когда кулак Санникова угодил ему в солнечное сплетение, заставляя забыть всё на свете.

Я на своём горьком опыте знал, что это такое. Господи, да мне самому недавно именно так прилетело во время драки с Цыганом. Из тебя словно пробкой вылетает воздух, тело автоматически наклоняется, делается лёгкой мишенью. Юнкер-Геркулес не был исключением. И вторым ударом Санников выключил его на какое-то время из схватки.

И тут кто-то невидимый щёлкнул выключателем. Юнкера одновременно кинулись на нас.

– Прикрывай мне спину! – заорал Санников.

Я быстро скользнул к нему, развернулся на сто восемьдесят градусов и, надо сказать, сделал это вовремя: какой-то каратист уже налаживался двинуть ефрейтору ногой по затылку. Растяжка у парня оказалась отменная, офицерский бёрец взлетел в воздух на высоту человеческого роста, но я перехватил его и, хорошенько дёрнув, заставил описать полукруг и врезаться в ближайший фонарный столб.

Ещё одного взял на дзюдоистский бросок через плечо. Вряд ли бы мой тренер похвалил меня за чистоту исполнения, но своего я добился: юнкер оказался на земле, а я успокоил его дополнительным, уже чисто боксёрским прямым в челюсть. И едва не взвыл от боли, когда костяшки больно врезались в зубы будущего офицера.

На этом мои успехи закончились. Юнкера тоже не манкировали занятиями рукопашкой, и довольно скоро я стал пропускать удары, прилетавшие то справа, то слева. После одного у меня закружилась башка – это был почти гаранти-

рованный аут. Через несколько секунд драка превратится в избиение младенцев. Даже Санников уже не мог противостоять вполную. Нас быстро оторвали друг от друга и стали оттеснять в разные стороны. Сбывались мои худшие предчувствия.

Нгав! Голову мотает набок, перед глазами взрывается фонтан искр. Я, уже не видя противника, просто хватаю кого-то за горло, валяю, а сам падаю сверху и начинаю душить. Странно, ситуация явно куда хуже тех переделок, в которые я до этого попадал, но режим неистового зверя почему-то не включается. Я просто становлюсь мальчиком для битья и жутко слабею после каждого удара. И всё-таки мои пальцы упорно сжимают кольцо вокруг горла поваленного рекрута. Я вижу его впервые, но ненавижу больше всего на свете. Глаза парня лезут из орбит, рот приоткрывается, он что-то хрипит.

Шарах! Помнится, я сравнивал удар Санникова с молнией, но то было образное выражение, а вот сейчас я действительно не вижу, но почему-то чувую, что в меня летит росчерк искрящейся молнии. Мозг ускоряется, начинает работать, как суперкомпьютер. Твою ж дивизию, успеваю вспомнить я, среди юнкеров был как минимум один маг, мне удалось увидеть его волшебную ауру. И вот он решил пустить в ход волшебство.

Я только слышал, как действует молния на человека: кого-то убивало, кому-то везло, и он оставался цел и невре-

дим. Но мне не улыбается проверить результаты на собственной шкуре. Нет, сука, врѣшь, не возьмѣшь. Пальцы разжимаются, внутри зарождается клубок тепла, он пронизывает всё моё тело, а потом словно расширяется, покидая его пределы. Шипение, треск, как в момент электрической сварки.

Я подскакиваю, разворачиваюсь, делаю прыжок, достойный олимпийского рекорда, чтобы оказаться возле несколько потрясѣнного происходящим юнкера. Вид у парня просто очумелый, ресницы хлопают с бешеной частотой. Он будто не в себе: наверное, его магия требует некоторой отстранѣнности, заставляя человека выпасть из окружающей действительности. Вокруг кистей рук бушует электрическая вакханалия, их словно лижут тысячи искорок. Эх, сейчас он накопит заряд и снова захреначит им в меня.

Не знаю, что спасло меня от поджарки электричеством. Я боюсь озвучить догадку, но предполагаю, что это всё-таки магия, которой, как считают, у меня теперь быть не должно, ведь надо мной провели обряд шельмования – гражданскую казнь, делающую мага рядовым обывателем.

Но хватит мыслей, надо действовать. Уверенности, что снова удастся создать вокруг тела защитную сферу, у меня нет. Собственно, как почти и нет сил, я действую больше на каком-то автопилоте, используя остатки жизненной энергии. Вспоминаю одну из лекций поручика Шереметевой: после магической атаки начинается откат, чем больше было израсходовано маны, тем он сильнее. Хотя, конечно, есть ещё по-

правки на индивидуальные особенности. Но в целом атакующего мага необходимо прикрывать, ибо сам он потом не всегда в состоянии защититься.

Классическая «двойка» становится заключительным аккордом нашего поединка. На сей раз она проведена безупречно, по всем правилам боксёрской науки. Маг окончательно теряет связь с реальностью и валится как подкошенный.

Я оборачиваюсь. Вокруг меня хватает обозлённых незнакомых лиц. В лучшем случае мы обезвредили половину юнkerов, так что желающих поквитаться ещё предостаточно. Вдобавок они вновь усилили команду ведущим игроком: могучий блондин очухался и теперь, подобно быку, пускает пар из ноздрей и топает ногами.

Всё, сука. Меня на большее не хватит. Да и Санникову тоже не до меня: он в жёстком клинче с плотным пареньком. Коса нашла на камень, а два равных противника нашли друг друга.

В бестолковке гудит тревожный колокол, в ушах лопаются воздушные пузыри, во рту солоноватый привкус крови. Кажется, шатается зуб, возможно, не один. Правый глаз заплыл и видит как в тумане. Должно быть, из меня сейчас тот ещё Аника-воин.

Сходил в увал, называется.

Но мне не горько от этого факта. Я полон решимости держаться, как тот гордый «Варяг», и не желаю пощады. Это

сродни отчаянию, когда понимаешь, что побеждён, но хочешь уйти на дно достойно. В общем, врагу не сдаётся и всё такое...

Спасение приходит откуда не ждали.

– Легавые! – отчаянно кричит кто-то из юнкеров.

Визжат тормоза. Рядом останавливается выкрашенный в жёлтый цвет «ментовоз», то бишь полицейский автомобиль. Из него вываливаются крепкие ребята в касках, броне и почему-то с автоматами. Хотя, как мне кажется, после устроенной нами трёпки вполне хватило бы и резиновых «демократизаторов».

Куча-мала начинает стремительно рассасываться сама по себе. Почему-то бежать от полицейских не считается зазорным, скорее наоборот – достойное приключение.

Отрываю Санникова от вцепившегося клещом соперника. Ефрейтор хоть и стоит на ногах, но явно ни хрена не сообщает, его глаза подозрительно закатились... Походу, оба были в отключке, не упали только потому, что держали друг дружку.

– Бежим!

Мой возглас до него не доходит, разум ефрейтора витает где-то там, над облаками.

Хрен его знает, какие могут быть последствия, если нас сцапают городовые. По идее, должны передать в руки военной полиции. Но интуиция подсказывает, что легко не отделаемся. В этой жизни вообще мало что не вылезает нам бо-

ком – если не сейчас, так потом.

Пара юнкеров не успевает смыться, и их уже тащат к машине. Нет, не хочу снова оказаться за решёткой, даже если это просто полицейский автомобиль. С некоторых пор у меня лютая идиосинкразия на такие вещи. И бросать непосредственного командира на «поле боя» тоже нельзя, пусть он и порядком не в себе. Сам погибай, как водится...

Бежать за мной Санников категорически отказывается, он вообще в данную секунду больше напоминает пресловутый баобаб, чем нормального человека. И что прикажете делать? Откуда-то приходит второе дыхание, я взваливаю тушу ефрейтора себе на спину и во весь дух бегу прочь, не разбирая места: я ведь абсолютно не ориентируюсь в этих краях, сейчас уткнусь в какой-нибудь тупик – и амба.

Позади топает дюжий городской, приказывая остановиться. На моё счастье огонь из автомата не открывает: не принято, видать, вот так с ходу пулять по солдатикам, даже нарушающим закон. Под тяжестью тела Санникова меня пригибает к земле, ноги наливаются свинцом и деревенеют. Но я крепко сжимаю зубы и бегу, даже не надеясь ни на что.

Спасение приходит в виде автобуса, который собирается отъезжать от остановки. Заставляю себя набрать темп и успеваю заскочить в него прямо перед тем, как дверцы захлопываются и «бусик» отъезжает.

Причём, судя по тому, что транспорт лишь набирает ход, водителю доставляет удовольствие позлить бегущего следом

городового. Я даже представляю, как тот матерится и ругается на ходу. Злорадно усмехаюсь собственным мыслям, а на следующей остановке почти вываливаюсь вместе с Санниковым на тротуар. Пусть здешние менты гоняются за автобусом, если им это так нужно.

Наверняка ведь они запомнили номер, сообщили по радиации кому нужно. Значит, нам не сюда дорога.

Вижу подъезд многоквартирного дома, двери как раз любезно открылись, выпуская из него мамочку с коляской.

Улыбаюсь женщине:

– Товарищу внезапно стало худо. Он здесь живёт. – И за-
таскиваю ефрейтора внутрь.

Дом высоченный, почти небоскрёб, вряд ли тут знают даже соседей по лестничной площадке, так что поднимать панику гражданочка не будет. Усаживаю Санникова под лестничной площадкой, сам опускаюсь на корточки рядом и еле перевожу дух.

Ефрейтор с трудом разлипает глаза.

– Ланской?

– Я, господин ефрейтор.

– Ты, сука, знаешь, что сделал? – Слово «сука» не звучит в его устах обидным, оно используется, чтобы передать обуревающие чувства.

– Не могу знать.

– Ты, сука, нас из большой задницы только что вытащил. Я, мля когда понял, что ты меня на хребте тащишь, чуть не

охренел. Я тебе такого, сука, век не забуду! У меня, мля просто нет слов!

– Ну и хорошо, господин ефрейтор, – улыбаюсь я. – Вам бы лучше помолчать.

Санников кивает. На его разбитых губах появляется улыбка. Она такая заразительная, что пусть мне больно, но и я улыбаюсь в ответ.

– А хороший увал получился! – мечтательно произносит он.

– Просто зашибись, – соглашаюсь я.

– Ты видел, как тебя официантка в «Камуфляже» глазками ела?

– Ага.

– Думаю, раз в бордель не попали, тебе стоит сегодня заглянуть к ней.

– А как же вы, господин ефрейтор?

– У меня тут один приятель живёт. К нему поеду. И тебе его адресок дам. Если с той бабой из «Камуфляжа» обломится, туда приезжай.

– А если не обломится? – интересуюсь я.

– Если не обломится, то чтобы завтра с утра был на автовокзале. Наш автобус в семь пятнадцать отходит. Как раз успеем.

Глава 15

– Фёдор Иванович, это вас. – Голос служанки оторвал полковника Булатова, командира батальона особого назначения, от партии в преферанс. – Подойдите, пожалуйста, к телефону. Что-то срочное, насчёт службы.

Булатов с тоской бросил взгляд на стол и зажатые в руке карты. Намечалась интересная комбинация, можно было наконец-то щёлкнуть по носу старого армейского друга, досрочно вышедшего в отставку по ранению. Каждое воскресенье тот приходил к полковнику в гости слегка «вмазаться» (к неодобрению супруг обоих военных) и раскинуть картишки. Редкая партия заканчивалась его проигрышем: армейский приятель дулся в карты не хуже шулера.

На этой неделе жены – тоже, кстати, большие подруги – уехали на курорт поправлять здоровье, так что мужчины могли себе позволить слегка пошалить. Разумеется, в рамках приличий. И только-только полковнику стало везти, как вдруг зазвонил телефон. А звонок со службы, тем более воскресным вечером, не предвещал ничего хорошего.

– Прости, Николая, кажется, на сегодня я пас, – с тоской произнёс Булатов.

– Понимаю, Федя. И даже где-то сочувствую, – кивнул гость.

Когда-то он тоже носил погоны полковника, лишь тяжёлое

ранение заставило покинуть службу, правда, с разрешением надевать по особым случаям мундир со всеми орденами и регалиями.

Связисты предлагали Булатову установить телефоны в каждой комнате его особняка, однако полковник слыл техническим ретроградом и велел ограничиться только его кабинетом.

– Полковник Булатов у аппарата. С кем имею честь? – произнёс он в трубку.

– Здравия желаю, господин полковник. Ротмистр Никольский. Приношу извинения, что потревожил вас в столь поздний час.

Услышав голос жандарма, полковник поморщился. Подобно многим военным, он откровенно недолюбливал голубые мундиры. Но реноме требовалось поддерживать.

– Ничего страшного, ротмистр. Догадываюсь, что вы звоните не просто так, а по службе.

– Так точно, господин полковник. Если бы не насущные дела, я бы ни в коем разе не стал беспокоить вас.

– Ближе к делу, – нетерпеливо проговорил Булатов.

– Боюсь, это не телефонный разговор.

– Я вас не понимаю, господин ротмистр...

– Я звоню вам с радиотелефона моего автомобиля. Минут через пять он будет у ваших ворот. Если вы не будете возражать, я нанесу вам деловой визит. Постараюсь сильно вас не задерживать.

Вроде бы ротмистр старательно подбирал фразы и говорил с вежливой интонацией, но полковник не сомневался: всё это напускное. Ни о каком уважении со стороны жандармского корпуса к нему, старому вояке, речи даже не идёт.

– Хорошо. Вас пропустят, – отозвался Булатов после короткого размышления.

Он всеми фибрами души ненавидел подобные визиты. После них всегда появлялись какие-нибудь неприятности.

– Николая, кажется, на сегодня наша игра закончена, – объявил Булатов другу.

– Ничего страшного. Встретимся на будущей неделе, – покладисто ответил тот и поднялся.

– Буду ждать с нетерпением, – сказал, не покривив душой, Булатов.

Не успел он проводить старого приятеля, как ворота распахнулись, и на территорию особняка въехал служебный «Руссо-Балт» жандарма.

– Маша, – позвал полковник служанку. – Пожалуйста, накройте нам стол в кабинете: два кофе и чегонибудь сладенького. Ну, ты сама знаешь...

– Фёдор Иванович, поздно уже... Да и ваше сердце... Нельзя вам на ночь кофе пить.

– Маша, я не уверен, что эту ночь проведу дома, – вздохнул Булатов. – Так что не спорь, пожалуйста. Приготовь кофейку.

– Хорошо, Фёдор Иванович, как прикажете, – кивнула

служанка и убежала на кухню.

Полковник сам пошёл открывать двери перед гостем. Появился Никольский в идеально пригнанном мундире. Порой казалось, что он в нём и спит: ещё никто не видел жандарма в штатском.

– Ещё раз примите мои извинения! – с ходу заговорил он.

– Пройдёте в мой кабинет, – сухо сказал Булатов.

Он пропустил гостя вперёд, предложил тому занять одно из мягких кресел, а сам опустился в такое же за большим письменным столом, на котором царил настоящий армейский порядок.

– Слушаю вас, господин ротмистр.

Никольский опустился на предложенное место, закинув ногу на ногу, и положил перед собой обе руки, скрестив пальцы.

– Два часа назад произошло прискорбное событие: солдаты вашего батальона подрались с юнкерами.

– Пф! – вырвался из груди полковника вздох облегчения. – Странно, что какая-то драка вдруг привлекла внимание жандармского корпуса.

– В круг наших обязанностей входят многие вещи. Околоточный надзиратель сообщил о случившемся военному коменданту, тот уже доложил начальнику училища, его сиятельству генералу Аракчееву. Думаю, в любую секунду должны будут позвонить и вам. Я лишь слегка опередил события.

– Я могу узнать детали? – слегка напрягся Булатов.

– Конечно. Стычка произошла на Воскресенском проспекте неподалёку от одного из заведений определённого толка...

– Бардака, что ли? – сразу догадался полковник.

– Да. Группа юнкеров, находящихся в законном увольнении, как раз покидала двери этого, как вы выразились, бардака, а навстречу им попались несколько солдат вашего батальона. Вы знаете, какие напряжённые отношения царят между бойцами этих подразделений.

– Безусловно. Мне очень жаль, что верные слуги его императорского величества до сих пор не могут поладить между собой, – с притворной скорбью произнёс Булатов.

На самом деле его тоже подбешивало высокомерие многих юнкеров, хотя он и сам в молодости оканчивал военное училище, пусть и в другом городе. Но, став командиром батальона, он по понятным причинам всегда оставался на стороне своих подчинённых и в таких стычках болел только за них.

– Согласен. Это очень печально, – сказал ротмистр.

– И каковы последствия этого неприятного происшествия? – нахмурился полковник.

– Трое юнкеров попали в госпиталь с серьёзными переломами. Ещё трое отделались сравнительно лёгкими ушибами, но всё равно вряд ли смогут полноценно нести службу ближайшие две недели.

– Что говорит генерал?

– Реакция его сиятельства предсказуема. Он крайне недоволен происшествием. Но у него достаточно выдержки и мудрости, чтобы не раздувать пожар.

– Так-так... – Булатов забарабанил костяшками пальцев по столешнице. – Зная его сиятельство, могу предполагать, что пока вы не обрисовали мне всю картину происшедшего. Скажите, ротмистр, сколько юнкеров участвовало в драке?

– Одиннадцать, – сообщил Никольский.

– А сколько было моих?

Ротмистр слегка помялся.

– Ну же, – внимательно посмотрел на него полковник.

– Их было двое, – выдавил из себя жандарм.

– Двое?! – Булатов хотел изобразить суровое лицо, но не сумел сдержать довольной улыбки. – Двое моих орлов надрали зад... То есть я хотел сказать: два негодника подрались с одиннадцатью рекрутами и отправили шестерых из них в госпиталь? Я не ослышался?

– Никак нет, вы всё правильно поняли, – скрепя сердце произнёс Никольский.

Он знал, какие чувства сейчас обуревают собеседника. Тот явно ликовал и праздновал победу. Ещё бы! Два засранца действительно крепко унизили одиннадцать других засранцев. Само собой, начальника училища, когда тот узнал соотношение сил в той потасовке, чуть не хватил удар. Это был настоящий позор.

– Понятно... – Вид у полковника был как у кота, обожравшегося сливок. – С этим мы разобрались. Удалось установить, кто первым начал драку?

– Показания свидетелей крайне противоречивы, – сбивчиво заговорил жандарм, однако Булатов его остановил:

– Только не говорите, что вы не разобрались, иначе я буду иметь плохое мнение о работе сотрудников нашего отдельного корпуса жандармов. А мне бы не хотелось в вас разочаровываться!

«Знаю я, какого мнения ты о нашей работе», – вздохнул про себя Никольский, но вслух сказал другое:

– Да, после допросов нам удалось установить истину: первыми драку затеяли юнкера. Они оскорбили ваших солдат, а потом попытались ударить одного из них. Если хотите, могу назвать фамилию зачинщика.

– А зачем? – повёл плечами полковник. – Мне она ни к чему. Это пусть господин генерал разбирается. А лично у меня вопросов больше нет. Я понял, что мои солдаты были вынуждены защищаться от многократно превосходящего противника, и они с честью вышли из этого испытания. У вас всё, господин ротмистр?

– Никак нет, господин полковник, – отрицательно мотнул головой собеседник. – Есть ещё один аспект, из-за которого я, собственно, и был вынужден вас побеспокоить.

– И что же это за аспект?

– Одним из солдат был рекрут Ланской.

– Ланской?

– Да, тот самый – убийца, который по приговору суда был ошельмован и лишён магии. Так вот, во время драки Ланской повалил одного из юнкеров и хотел задушить. Юнкер Остерман попытался спасти своего товарища и... понимаю, что это недопустимо, и Остерман понесёт заслуженное наказание, но...

– Что вы мнётесь, как девственница перед свиданием? – буркнул Булатов. – Договаривайте, если начали!

– Юнкер Остерман пустил в ход магию. Попытался ударить по Ланскому разрядом молнии.

– И?

– И есть основания полагать, что рекрут Ланской, который, как считается, официально лишён магических способностей, сумел поставить вокруг себя защитную сферу.

– Ерунда! – фыркнул полковник. – Вашему Остерману показалось. В конце концов, мы прекрасно знаем, что Ланские и Остерманы уживаются как кошка с собакой. Быть может, это просто поклёп.

– Всё может быть, господин полковник. Но я бы хотел установить этот факт точно.

– Что вы от меня хотите? – сурово сдвинул брови Булатов.

– Прошу передать в моё распоряжение рекрута Ланского.

Булатов покачал головой:

– Нет, господин ротмистр. На это я пойти не могу.

– Хорошенько подумайте, господин полковник!

– Вы мне угрожаете?

– Что вы! – сделал изумлённое лицо жандарм. – Как я могу угрожать кому-то вроде вас?

– Действительно, – хмыкнул Булатов. – Особенно если учесть, что батальон не попадает под юрисдикцию корпуса жандармов, а нашими шефами являются лично государь император и члены его фамилии.

– Но мне казалось, что мы все делаем одно дело, – не преминул вставить ротмистр.

– Дело одно, но вот способы – разные, – сказал как отрезал полковник. – И никого из моих бойцов я вам на растерзание не отдам.

– Хорошо, – вскочил ротмистр. – Только потом не говорите, что я вас не предупреждал. Честь имею! Не надо меня провожать, я сам найду выход.

Щёлкнув каблуками, он удалился из кабинета. Хлопнула дверь. Полковник опустил голову на руки и задумался.

Из этого состояния его вывела служанка с подносом, на котором стояли чашечки дымящегося кофе.

– Что-то стряслось, Фёдор Иванович? Ваш гость как-то быстро нас покинул...

– Всё в порядке, Маша. Знаешь что, принеси-ка мне вместо кофейку чего-нибудь покрепче. Что-то нервишки шалят. Надо бы успокоить.

Глава 16

Когда Санников окончательно пришёл в себя, мы снова вышли из подъезда. Никого подозрительного на улице не было.

– Господин ефрейтор, давайте я вас провожу, – предложил я, но он только махнул рукой.

– Фигня! Сам доберусь. Ты, главное, если у тёлки зависнешь, вовремя к автобусу подгребай: взводный за опоздание так оттрахает, что ходишь не сможешь.

– Не переживайте, господин ефрейтор. Приду вовремя.

– Тогда валяй. – Санников с лёгким сердцем отпустил меня в дальнейшее плавание.

Прямо сразу идти в кабак смысла не было: если не изменяет склероз, он закрывался в полночь. Поэтому я немного празднично пошатался по улицам, вдыхая выхлопные газы и прочие ароматы свободы. От вида девчонок в коротких юбочках чуть не сломал себе глазки и не вывернул шею. Правда, большинству до меня не было никакого дела, смотрели как на пустое место. Ну да, я ведь даже не солдат – рекрут без погон.

Ужин как-то быстро переварился, захотелось жрать – другого названия подступившему голоду у меня нет. Я с грустью пересчитал мелочь в кармане, зашёл в первый попавшийся универсам и, побродив между полок, купил класси-

ческий обед студента – кефир и пропахшую корицей сдобу. Она стоила чуть дороже обычного батона, но с начала армейской службы я понял, что мне реально не хватает сладкого. Иногда даже во сне грезил о всяких пирожных и тортиках, так что решил не экономить, а прогулять весь свой ничтожный капитал.

Жуть как хотелось схомячить всё это добро сразу, как вышел из магазина. Однако я прикинул, как нелепо буду выглядеть, и потому поспешил подальше от чужих глаз. Свернул в арку между домами, нашёл тихий дворик, сел на скамейку и только тогда впился зубами в сдобу. Наестся не наелся, но червячка заморил.

Ещё с полчаса пофланировал по проспекту, старательно избегая всех людей в форме. Как говорится, любая кривая, избегающая начальства, короче прямой, проходящей через него. Пусть даже это и не твоё непосредственное начальство.

Когда стемнело, я снова зашёл в «Камуфляж». По реакции официантки понял, что мне тут рады: на её лице появилась улыбка. Она посадила меня за стол, склонилась так, чтобы у меня была возможность оценить не только меню заведения, и томным голосом поинтересовалась:

– Что будете заказывать?

Денег у меня не хватило бы даже на газировку, поэтому я честно признался:

– стакан холодного кипятка, пожалуйста.

Она лукаво усмехнулась, догадавшись о причинах столь

скромного заказа.

– Хорошо. Минутку, пожалуйста.

Быстро ушла на кухню и, вернувшись, поставила передо мной бокал с пивом и тарелку с орешками.

– Но ведь я не заказывал пиво, – упавшим голосом произнёс я и тихо добавил: – У меня, если честно, и денег-то нет.

– Я поняла, – подмигнула официантка. – Ничего страшного, это угощение.

– Даже так? – Я разом повеселел. – Большое спасибо... Оля, – прочитал я надпись на её бейджике. – Если что, меня Анатолием звать. Можно просто Толик.

– Толя и Оля, – снова подмигнула она, и я ощутил, как по телу пошла тёплая волна. Вот они последствия долгого воздержания, особенно в моём возрасте.

– Ага, – только и смог вымолвить я.

– Я сегодня освобождаюсь в половине первого. Время позднее, идти домой в одиночку страшновато. Может, проводишь, Толя? – с волнующей хрипотцой поинтересовалась девушка.

Да, она была лет на десять старше меня, но эта разница в возрасте волновала меня ещё сильнее. И к тому же выглядела она просто сногшибательно, поэтому в мыслях я называл её девушкой.

– Конечно, провожу!

Я чуть не выпрыгнул из одежды, но заставил вести себя более-менее адекватно. Не набрасываться же на девушку

прямо сейчас, пусть всё тело уже перешло в виброрежим и готово приплясывать от нетерпения.

Пиво с орешками помогли скоротать время. К тому же девушка ещё несколько раз подсаживалась ко мне в те минуты, когда в кафе не было других посетителей. И всё равно я уже порядком извёлся, прежде чем Оля подошла к моему столу и сказала:

– Я всё. Ты не передумал?

На ней было светлое платье в обтяжку и синий плащик, в руке миниатюрная сумочка, на ногах изящные туфли с тонким каблучком. Оля не только переоделась, но и подправила макияж, став просто неотразимой. Хотя, положив руку на сердце, я находился сейчас в таком состоянии, что был готов наброситься на любую особь женского пола, лишь бы та была чуть красивее Бабы Яги.

– Ты что? Как я мог передумать? – сглотнув, ответил я.

– Тогда собирайся.

Мы вышли из кафе под ручку. На каблуках Оля была практически с меня ростом и выглядела так, что вышибало дух.

– Куда идти? – спросил я.

– Туда, – показала девушка. – На самом деле отсюда недалеко, всего три квартала. Не всегда удаётся найти работу так близко от дома.

При её словах о доме я невольно вздохнул. Дом в моём мире оказался для меня утерян и, скорее всего, навсегда. Да

и в этом всё было слишком просто.

– Ты чего загрустил? – прочитала мои эмоции Оля.

– Так, о доме задумался, – не стал скрывать я.

– О невесте, небось, – усмехнулась она.

– Моя невеста погибла. Её убили, – мрачно сказал я.

Оля остановилась, встала передо мной. Её влажные тёплые губы коснулись моей щеки.

– Бедняжка! – прошептала она. – Ты из-за этого в батальон смертников подался, да?

– В какой-то степени, – кивнул я. – На самом деле у меня не оставалось выбора. Ладно, хватит. Пойдём.

Мы пошагали дальше вдоль ночной улицы. Благодаря свету фонарей и тёплой погоде наша прогулка доставляла мне всё больше удовольствия.

– Знаешь, а мне почему-то знакомо твоё лицо, – внезапно произнесла Оля. – Ты, случайно, не тот парень, которого показывали в телеке? Богатенький буратино, который что-то там натворил...

– Тебе сказать правду или соврать? – нахмурился я.

– А какая версия будет романтичней?

– Даже не знаю. Хорошо, пусть будет правда: я Анатолий Ланской из тех самых Ланских... Был.

– Почему был?

– Семья от меня отказалась...

– Как?! – воскликнула Оля.

– Да так. На меня напали враги семьи, я защищался и при-

менил магию. Убил пятерых человек. Но суд почему-то не поверил в самооборону, мне вкатили огромный срок. Гнить до старости не улыбалось, так что я решил поиграть в русскую рулетку и поступил на службу в этот самый батальон. Если меня не убьют, через пять лет стану совершенно свободным человеком.

– Ты маг? – услышала главное для себя Ольга.

– Больше нет, – признался я. – Меня шельмовали. Так что теперь я самый обыкновенный человек. Даже не знаю, плакать от этого или радоваться.

– Бедненький! – Сказав это, Ольга вдруг часто задышала, замерла, заставив меня остановиться, и впилась в мои губы жадным поцелуем. – Кажется, я больше не могу терпеть. Давай сделаем это сейчас...

Мы сделали это несколько раз, в разных местах и позах. Откуда только в этой хрупкой девушке было столько страсти и неистовости. Она пылала каким-то внутренним огнём, кипела, как лава, извергающаяся из вулкана.

Я вообще не понял, как мы оказались в её крохотной квартирке. Такое ощущение, что просто отключился и включился, когда зазвенел будильник, поставленный на шесть утра. За всё это время мне удалось поспать минут тридцать, не больше. Это была сумасшедшая, просто чумовая ночь. Мы едва не сломали кровать, даже на пол перебирались. И сдаётся мне, что были и на кухне. Во всяком случае, какие-то фрагменты воспоминаний говорили моему сознанию

об этом.

Башка абсолютно не соображала, все губы распухли, тело было как ватное... По-моему, меня конкретно изъездили. Но и Ольге досталось не хуже моего.

– То-о-ля! – жалобно простонала она, с трудом отрывая голову от подушки. – Что это было? В тебя словно вселился какой-то зверь...

– В любого нормального мужика при виде тебя вселится зверь, – совершенно искренне сказал я. – И это не комплимент...

Она усмехнулась:

– Хочешь кофе?

– Хочу.

– Тогда пошли на кухню. Правда, хоть я и работаю в кафе, но готовить у меня не получается. Кофе – это единственное, что я могу нормально делать. Ну, и ещё яичницу.

– Согласен получить и то и другое! – глядя на неё с умилением, произнёс я.

– Дай мне пару минут, и всё будет! – пообещала она. – Можешь на это время занять душ, хотя... – Оля чувственно втянула воздух. – Мне нравится запах мужского тела. Очень возбуждает!

– Может, ещё разок? – обрадовался я и потянулся к ней, но она хлопнула меня по шаловливым ручкам.

– Некогда. Тебе на службу пора, а мне на работу.

Чтобы окончательно проснуться и прийти в себя, я посто-

ял под контрастным душем. Струйки попеременно то горячей, то холодной воды сделали своё дело. Я снова стал человеком, а не сгустком похоти.

Из кухни потянуло ароматом свежесваренного кофе. В части нам иногда его тоже выдавали, но казённый напиток не шёл ни в какое сравнение с тем божественным нектаром, что приготовила женщина, с которой ты провёл ночь... Возможно, одну из лучших ночей в жизни.

– Кофе, тосты, яичница.

Оля сноровисто расставила передо мной чашки и тарелки. Я довольно потёр руками. Домашний завтрак! Как часто в последние дни я грезил о тебе во снах. И вот оно – свершилось! Вкушаю наяву это чудо.

И не беда, что яичница пересолена, а тосты подгорели. Главное, что напротив меня сидит и улыбается тёплая, ещё не отошедшая от постели женщина, моя женщина... И плевать, что причёска растрёпана, а на лице нет макияжа. Она хороша естественной, природной красотой.

– Хватит лыбиться, – не выдержав, прыснула Ольга.

– А что? – удивился я.

– Да вид у тебя странный. Словно под кайфом.

– Так и есть, я под кайфом, но не от дури, а от тебя, – сделал я не самый «уклюжий» на свете комплимент. Но ей понравилось, она ответила довольной улыбкой.

Покончив с завтраком, я потянулся к ней и поцеловал.

– Спасибо! Было вкусно.

– Особенно тосты, – засмеялась Ольга. – Ты из-за них чуть зубы не сломал.

– Не знаю, не заметил.

Я с тоской посмотрел на циферблат часов. Стрелки неумолимо приближали к тому моменту, который так хотелось оттянуть... Возвращаться в часть после шикарной ночи! Лучше пристрелите меня! Но чувство долга заставило встать и начать собираться, пусть делал я это, не только скрепя сердце, но и скрипя зубами. Да я чуть не стёр их от тоски и злости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.